

ОБРЕМЕНЁННЫЙ УЖАСОМ

ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

ВЯЧЕСЛАВ ЛЕБЕДИНСКИЙ

Метранпаж.

Вячеслав Лебединский

Обременённый ужасом

«Автор»

2026

Лебединский В.

Обременённый ужасом / В. Лебединский — «Автор», 2026

Олег Романович Сурдин прибыл из Москвы в Воронеж для проверки психиатрической лечебницы имени Николая Эйзенлора. После обследования местности главврач Дмитрий Яковлевич Волевой как бы шутя пригласит его поучаствовать в психотерапии, во время которой выяснится, что на душе Олега висит тяжёлый и гнетущий груз, оскверняющий его настроение и из-за которого у него наблюдается хоть и не явная, но нездоровая реакция на окружающих и происходящее. Этого вполне хватит для опытного главврача, чтобы сделать Олегу неприятный, но необходимый сюрприз.

© Лебединский В., 2026

© Автор, 2026

Вячеслав Лебединский

Обременённый ужасом

«Если человек прожил успешный деятельный день и успел насладиться заслуженным положительным отдыхом, значит, бремя смерти не сможет затмить его ценность жизни. Это и есть прекрасный день. К этому нужно стремиться и с этим нужно смириться, потому что это предел и выше головы не прыгнешь».

Выдержка из разговоров главврача Дмитрия Яковлевича Волевого и Олега Сурдина.

1

Прибытие.

Бывает, что-то гложет человека, как измучившийся голодом хищник бедную кость, что-то подначивает портиться настроению, а что, – не знает. Нет настроения – нет сил. Нет сил – нет желания действовать, и из нутра поднимается огромный и томительный соблазн от всего отмахнуться... И забыться, не вмешиваясь в течение жизни, до которой тебе нет дела по причине незаинтересованности. Тогда-то понимаешь, что с тобой что-то не так, и это что-то рядом, но оно неосвязаемо, как звук или ненастная и приставучая дума, что въелась в мозг и не хочет тебя, не добив, оставить.

Всё это можно сказать о Олеге Сурдине, покусывающего губы, мнущего в руках бумажник и временами посматривающего в иллюминатор «Боинга 737».

«Надоело всё», – частенько всплывала у него назойливая, как комар, мыслишка.

С виду могло показаться, что он любит с умопомрачительной высоты красотами пробегающими деревенскими домами, какими-никаким хибарками, стремительными речками и внушительными скалами – но это не так. Свой долгий взгляд, который выражали карие глаза, наполненные не то робким сожалением, не то тупой болью, он старался не задерживать на людях. «Не оценят», – понимал он. Признаться, Олег, стоя поутру у зеркала, и на себя-то посматривал с неохотой, как на чужого; ему не нравился этот взгляд, он был ему как бы враждебен, и мужчина не знал, из-за чего он так смотрит.

Мужчина уж давно отсидел мягкое место и, протяжённо вздыхая, сокрушался ожиданием посадки.

«Ну когда же?»

Больше всего на свете этот человек, сидя рядом с иллюминатором, из которого открываются захватывающие дух пейзажи, которые, впрочем, ему быстро наскучили, страшился, как бы динамик не возвестил о проблемах с самолётом. Этот человек так трясся за свою жизнь,

которая, впрочем, раздражала его, цепляющегося за своё какое-никакое существование, что временами мог сойти за ненормального.

Ненормальность проявлялась в реакции на окружающее. Он доконал свои обкусанные губы, с омерзением и самоотречением слизывая с них мельчайшие капельки крови; его левая рука, впившись в ручку кресла, была напряжена уже больше сорока минут, и он не желал её отпускать, думая, что благодаря этому одному, этой мнимой поддержке, самолёт не устроит подлянку, не затрясётся, не разобьётся всей тяжестью о землю и продержится.

Он в сотый раз брал и открывал бумажник, доставал из паспорта фотографию семьи, и его навещала невольно трогательная улыбка, которая с виду могла показаться исключительно глупой. Так он позволял себе улыбаться только тогда, когда видел счастливую светловолосую жену Веру и сыновей-подростков Кирилла и Андрея, сфотографированных им в парке у аттракциона «Колокольчик».

– Ничего, я ненадолго, – прошептал он.

– А? Что вы сказали?

По левую руку Олега находился рыжеватый попутчик, который только что очнулся, сонно и заинтересованно посмотрев на него, словно бы в чём-то эдаком подозревает.

– Да я так, сам с собой разговариваю.

– А-а-а, ну это с каждым бывает. Эх... – попутчик потянулся в разные стороны, с хрустом размял шею и признался: – Один чёрт сон не в руку.

– Что вам привиделось?

– Ха-ха... Будто бы я осмелился выйти из самолёта и пошёл по длинному мосту, который с обвалился вместе со мной. Потом я долго падал и... Проснулся.

– Сны – пеной полны, – отозвался Олег.

– Да, здесь есть зерно истины. Вы, что же, читали Гофмана?

– Пару книг. Убивал время.

– Послушайте, а куда вы, если не секрет, направляетесь?

Олег вздохнул:

– В Воронеж.

– Да это же очевиднее некуда. А поточнее? Вы как-то прячете взгляд, словно бы что-то утаиваете. Наверняка скрываете что-то интересное.

– К чему это любопытство?

– Видите ли, я журналист, это у меня выработанная часть характера.

– Хорошо, я скажу. Моё место назначения – психиатрическая лечебница имени Николая Эйзенлора. Довольны?

– Но вы же шутите, так? – спросил попутчик, внимательно вглядываясь в карие глаза Олега, будто бы он в силах отыскать в них подсказку. – Так?

– Нисколько.

– Но и я туда же направляюсь! – радостно воскликнул журналист.

– В самом деле? Что ж, хорошо. Теперь понятно, почему для меня к аэропорту вызвана машина. Значит, поедем вместе.

– Можно узнать ваше имя?

– Я Олег Сурдин, а вы?

– А я Афанасий Вискус. Однако, приятно! Ну вы, наверняка, не по душевным терзаниям решили туда заглянуть, да?

– Я аудитор.

– Ого. Вы же, наверняка, тоже всякое разное слышали о лечебнице?

– Например?

– Ну... Интернет так и кишит разными зловещими историями о полоумных пациентах, которые на деле обычные люди, но которых довела до ручки тамошняя обстановка. Сколько всего ужасающего всплывает, и так изо дня в день!

– Ну-ну...

– Вот, к примеру, перед тем, как заснуть, я прочесал всемирную сеть про эту многострадальную лечебницу и нашёл информацию, что там ставят эксперименты над бессознательными пациентами, над теми, кто и пикнуть не посмеет, или же уже никак не сможет. Пишут, якобы под лечебницей расположен медицинский комплекс-бункер, куда вход, ясное дело, строго воспрещён. – журналист звучно щёлкнул пальцами. – Сопоставим это с исчезновением людей в Воронеже и тем, что, возможно, там и вправду ведутся эксперименты, и, сами понимаете, эта зловещая тайна топором повиснет в воздухе. Да я уже по вашему каменному лицу вижу, что вам такие бредни смешны, так? А что, если хоть доля этой информации – не вымысел?

– Понимаете ли, Афанасий, – сказал Олег, – Люди насмотрелись фильмов ужасов и наигрались в хорроры, вот и фантазируют. Мне думается, ничего особенного там нет.

– Ну, посмотрим. В любом случае, кажется, мы идём на посадку.

И вправду, «Боинг» начал снижаться, прорезая ватные облака своей громадой. Олег в последний раз оглядел свысока мелкоколесье и близящуюся длинным прямоугольником посадочную полосу аэропорта, после, вздохнув, почувствовал лёгкую тряску: шасси самолёта заскользили по бетону.

Захватив свой скромный багаж в виде одного протёртого коричневатого портфеля, повидавшего не одно поколение Сурдинов, Олег вместе с пассажирами и журналистом спустились по трапу.

На дворе стояла бодрящая осенняя погода; дул лёгкий ветерок, чуть прохладный, но освежающий своим воздухом, которым так и хочется пресытиться.

Небосвод, нависший над аэропортом, словно бы взгрустнул и помрачнел, не пропуская живительные лучи светила.

Выйдя из аэропорта, Олег и Афанасий не без труда отыскиали на стоянке поджидавшую их «Волгу». Водителем оказалась интеллигентного вида разговорчивая женщина, которой удалось во время поездки как мастерски разгорячить мимолётную и словно бы несущественную беседу, так и с интересом и жаром хитро завернуть её и обратить в запоминающуюся.

А тем временем путь пролегал по пригороду, а оттуда продолжился по дремучему лесу, озолоченному солнцем, одержавшему верх над непогодицей. Водитель без умолку тараторила, впрочем, у неё был певучий голос и её было приятно слушать хотя бы от вселенской скуки, что пристала к аудитору, как ребёнок с надоедливym вопросом. Олег чувствовал себя отчего-то беспокойно, словно бы в нём боролись два человек, первый из которых говорил, что он занимается нелюбимым делом, а второй твердил своё, убеждая, что грядёт что-то значимое, что эта поездка не будет так проста, как ему думается. Последняя мысль потому появилась на свет в душе аудитора, что он стал чувствовать в себе нечто ощутимо нарастающее, некую нелюбовь к происходящему и то, что он близок к месту, где он при всём желании не сможет остаться, как и обычно в своей жизни, равнодушным.

– Чёрт возьми, я уж думал, мы сегодня не доедем, – пробормотал он.

За контрольно-пропускным пунктом, который они миновали, показав документы охране, громоздилось величавое трёхэтажное здание. Как втихомолку намекнул Афанасий, лечебница была огорожена не простой стальной решёткой, а под напряжением, чему всецело поверил Олег. Когда они распрощались с водителем и вышли на свежий воздух, то дошли до кованых ворот, на которых вольно расположилось с десятков крупных воронов.

Птицы, распиливая аудитора своими чёрными глазами, неотрывно и безмолвно проводили его взглядами, заставив невольно поёжиться.

Над головами пришедших тревожно прогудел электронный звонок. Ворота автоматически отворились. Перед ними более близко предстала лечебница, где на потрескавшейся и обвалившейся штукатурке стен цвета серо-безжизненного, как бы дымчатого и непримечательного, можно было рассмотреть, что само здание смастерено из крупного камня. Некоторые окна, из которых выглядывали люди, были зарешечены на совесть.

Они ближе и словно бы нехотя (как бы для проверки реакции зачем-то поглядывая друг на друга) приблизились к зданию, откуда в сопровождении докторов в белоснежных халатах, лихо развевающихся на ветру, вышел возрастной мужчина крепкого телосложения в тёмном пиджаке и таких же брюках. Он кивнул и провозгласил:

– Добро пожаловать! Как я понимаю, вы оба нагрянули с проверкой? Что ж, быть посему. Моё имя Дмитрий Яковлевич Волевой. Могу я узнать ваши имена?

И репортёр и аудитор представились и пожали руку мужчине, чьё рукопожатие было сухим и сильным. Мужчина хлопнул себя по высокому лбу и с улыбкой добавил:

– Ох, простите, совсем запамятовал. Я так часто представляюсь людям, что порой лишний раз забываю об этой необходимой формальности. Я главврач.

Олег не мог не заметить, что глаза Дмитрия светились ясно-нефритовым оттенком, и будто бы излучали заинтересованность, которая свойственна человеку значимого возраста и профессии.

От вышедшего из-за деревьев солнца русые с лёгкой проседью волосы главврача по благородному зазолотились. Главврач с минуту обговорил интервью с журналистом, после чего оставил его с наиболее словоохотливыми молодыми докторами, которые тут же наладили с ним контакт, ведя по вымощенной щебнем дорожке куда-то за лечебницу.

Аудитор начал придирчивый осмотр здания с сумеречного и еле освящённого холла, обширного помещения, где у правой стены высились чемоданы и сумки с продуктами, несомненно, принесёнными родными пациентов, которые теми не до конца забыты. Они дошли до вестибюля, и Олег немало поразился масштабам этого здания, потолок которого был достаточно высоким, чтобы не раз обратить на это обстоятельство внимание. Там они заглянули в приёмно-проверочную, где он спешно дважды расписался, сделал ошибку и начал по новой, словно бы подгоняемый своим беспокойным ритмом.

Они прошли в ближайший из длинных коридоров, где на желтоватых, как масло, стенах красовались картины с умиротворяющими пейзажами заснеженных гор, лесных косогоров и озёр. На подоконниках притаились полузавядшие растения, до которых, как думал Олег, никому не было ни дела, ни времени.

Конечно, следующего, попав в психиатрическую лечебницу, аудитор никак не мог избежать. Он увидел нескольких болезненно подвывающих и бубнивших себе под нос проклятья пациентов, бесцельно шатающихся по коридорам, то и дело друг на друга натыкающихся. Они были приодеты по лёгкому в серые одежды, которые своей монотонностью никак не могли запомниться; одежда как бы обезличивала людей, почти неотличимых друг от друга.

Один из пациентов, обритый, как и многие наголо, тупо пронизывал своим взглядом картину. Он то и дело непосильно сжимал свои дрожащие худые кисти, словно кривые ветки, через секунду более резко их разжимал и опять и по новой. Он прерывался лишь для того, чтобы нервно и быстренько почесаться.

Когда Олег проходил мимо этого пациента, то тот обратил на него внимание, прикрыл пальцем по виску и принялся гримасничать и отвратительно морщить лицо. Впрочем, это недолго длилось, так как Дмитрий Волевой пригрозил тому пальцем, заставив утихомириться.

Позади себя Олег слышал истеричный и пронзительный, как скрип ножа по стеклу, визг. Вздвогнув и обернувшись, он увидел коренастого надзирателя с лысиной на голове и кривой улыбкой, несущего пациента на своём плече. Его взгляд был бесцелен и словно бы бессознателен, голова металась из стороны в сторону, и с его губ стекала вязкая слюна на тёмно-синюю рубашку надсмотрщика, достаточно пропитав её.

Уж чего-чего, а оказаться на месте этого пациента аудитор очень не желал, потому как потаённо боялся стать слабее и беззащитнее, страшился, что его еле теплящаяся жизнь будет зависеть от других, более сильных, и, того хуже, жестоких. В этот момент он, вздрогнув, всецело порадовался, что здоров и не на их месте. Впрочем, радость в этом человеке надолго не задерживается и обесценивается навязчивыми дурными мыслями.

Олег как бы мимолётом спросил, указав пальцем на пациента:

– Он, что, плохо себя вёл?

Главврач, обернувшись, отозвался:

– Прескверно. И прошу вас в дальнейшем ни на кого пальцем не указывать. Некоторых это может раздражать, что крайне нежелательно.

Они завернули за угол и попали в другой коридор, где располагались комнаты администрации и докторская. Около высоких зарешечённых окон примостились деревянные скамьи, на которых, как понял Олег, ждали своей очереди на утренние процедуры пациенты. Вот только его крайне смутило то, что они были в смиренных рубашках, и парочка из них раскусили себе губы до крови, чернотой засохшей по подбородкам.

Будучи аудитором, проводящим медицинский аудит, Олег высказал своё негодование, на что главврач ответил, что это необходимая и редкая мера и так для них будет лучше. Он заверил, что: «У этих гусаров выдалась дурная ночь, и после уколов их состояние улучшится, и можно будет снять рубашки и вернуть их в палаты».

Олегу это не понравилось, и потому он наскоро сделал заметку в своей записной книжке. На их пути по коридору было отделение, и, что интересно для нас и было непонятно для него, туда ему совсем не было хода при том, что он проводит проверку. Для этой цели его вызвали с Москвы, ожидая результатов экспертизы и сопутствующие плодотворные изыскания.

– Ну а в самом деле, что там? – спросил Олег, прижавшись к стене, пальцами проведя по металлической закрытой двери. – Почему это мне нельзя туда зайти? Там, что, ремонт, или, скажем, вспышка вируса?

– Простите, но мы не можем разглашать некоторые врачебные тайны, – отозвался Дмитрий. – Туда можно только узкому кругу лиц, которым я доверяю. Вы, скажем так, ещё не готовы к такому.

– Но я аудитор, моя обязанность осмотреть всё здание и здешних пациентов, я должен...

Но главврач оборвал:

– И всё же вас туда никто и не под каким предлогом не пустит. Это для вашей же безопасности.

Олегу с минуту пререкался, – безрезультатно. Ему не понравилось услышанное и пришлось лишь нехотя кивнуть, чтобы не нарушить с главврачом устоявшихся доверительных отношений, постараться увидеть и понять как можно больше. Он подошёл к окну и увидел раскинувшуюся панораму леса, чьи кроны деревьев и стволы были исключительно серыми и бурыми. Но чуть поодаль им не были замечены редкие прямоугольные могильные плиты и какие-никакие надгробия, многие из которых были старинными и запущенными.

Главврач, проследив за его взором, сообщил:

– Да, печальная картина. Некоторые из пациентов до конца жизни остаются в этом здании, а бывают и те, до которых кроме моего персонала и меня вообще дела нет. Я к тому, что здесь хватает пациентов без родни, и они, признаюсь, особенно несчастны, хоть и пытаются не подавать виду. Вот и приходится хоронить их там.

– Понимаю.

На первом этаже Олег и Дмитрий заглянули в конференц-зал, отличающееся более строгим убранством без излишеств, где взгляд аудитора не смог при всём своём желании ни за что примечательное зацепиться. В центре этой комнаты, восседая за прямоугольно-острым столом, важно восседали и переговаривались меж собой надсмотрщики, попивая чай и пыхтя от его жара и крепости. Они отчего-то по злему стрельнули глазами в Олега, отчего тот сконфузился, не понимая, почему те так отреагировали на его присутствие. И как по волшебству наблюдательный главврач и это заметил, сказав:

– Эти хлопцы каждый день не с той ноги встают, вот и раздражены.

После этого Олег проверил документы, скопировал парочку из них и сделал несколько заметок от руки, после чего положил важные бумаги к себе в портфель.

Всё так же находясь на первом этаже, они прошли в докторскую. В этой стерильной комнате с окаймлённой белоснежной плиткой в стены были вмонтированы серебристые мойники, и скрашивала эту комнату одна особенно примечательная и миловидная медсестра с длинными светлыми волосами, с притягательной и словно бы мимолётной, но очень запоминающейся улыбкой. Она, поправив на носу очки в тонко-чёрной оправе, готовилась ставить укол, набирая шприцом из ампулы что-то бесцветное, пузырящееся. Но стоило только ей отойти в сторону, как взгляду Олега повстречалось протёртое кожаное кресло, на котором была прикреплена заплаканная худосочная пациентка. Рядом с ней высился возрастной надзиратель с квадратным подбородком, будто бы его не заметивший. Он шикнул на пациентку:

– А ну-ка не дёргайся, а тоогрею!

– Простите, но какого чёрта? – не выдержал Олег, закипая и видя, что у пациентки нет и живого места на руке, – Как можно озвучивать такие грубости?

– Любезный Олег Сурдин, успокойтесь, – вмешался главврач. – Нашей Леночке ой-как необходим укол, а она, как видите, противится. Ей только восемнадцать, а она уже успела достаточно насидеться в интернете, чтобы взять дурной пример с других и приболеть анорексией. Приходится кормить силком, но что поделать. Не умирать же ей, правда?

Олег нервно облизал губы, прошёлся по докторской внимательно осматриваясь. У белоснежных кушеток впритык располагались капельницы на ножках с колёсиками, у окна громоздился непримечательный шкафчик с препаратами и холодильник.

Он спросил у медсестры:

– Могу я узнать, что там находится?

– Мне нечего утаивать, – промурлыкала она, выпуская из шприца вверх воздух и чуть жидкости. – Там находятся кровь пациентов... – она широко-широко раскрыла глаза и добавила. – И их души.

Аудитор кивнул, промотал услышанное в голове, опомнился и воскликнул:

– Души?!

В воздухе повисло невероятное напряжение, и все собравшиеся в этой комнате смотрели ему точно в глаза.

Олег подурнел, и это особенно отразилось на его побелевшем лице.

– Вы правда поверили? – улыбнулась она.

Главврач не сдержался и усмехнулся, погрозив той пальцем.

– Ох, я уж... Да, я попался как простофиля, – признался аудитор, облегчённо вздохнув. – Ну, здесь, вроде бы, всё в порядке...

После этого Дмитрий и Олег начали подъём на второй этаж по лестнице с резными перилами. На пролётах были прикреплены стальные решётки, чтобы, чего недоброго, пациенты не разбились насмерть, решив спрыгнуть с высоты.

На втором этаже располагалось множество палат, щедро освещённых дневным светом. В некоторых из них имелся какой-никакой телевизор, закреплённый на стене, на котором проигрывалась запись программы про животных.

Проверив обитель палат и скудное убранство, где на каждого пациента было выделено не более три-на-три метра, они попали в уютную ординаторскую, с Г-образными столами у стен и раскрытыми ноутбуками, в это время пустую, особенно выделявшуюся на фоне нищенских комнат пребывания пациентов, имевших в своём распоряжении лишь кровать да тумбочку. Олег наскоро набросал эту мысль в заметки, и, кивнув, направился дальше.

Они шли дальше по словно бы нескончаемому коридору, добрались до изоляционных камер с редкими ютящимися в них людьми. Аудитор из любопытства поднял стальную крышку на зеленоватой двери, через которую можно было понаблюдать за пациентом. Перед ним предстал немолодой человек с исхудавшим лицом и кровоподтёком на лбу. Чуть только он увидел новое лицо, как тут же, по свиньи взыв, кинулся к Олегу, пытаясь достать до него рукой.

Пациент через силу, будто бы перебарывая себя, завопил:

– Ну долго вы ещё будите меня здесь держать, ироды? Я Павел Алексеевич Чижиков, и надо мной безнаказанно издеваются! Искренние голоса твердили, что я неугодный мэр, что меня сместили с поста алчные коллеги, чьи помыслы нечисты, которые и запрятали меня сюда! ПО-МО-ГИ-ТЕ!!!

– Но зачем вас запрятали? – промолвил Олег, вглядываясь в полоумные, налитые кровью глаза.

– А чтоб я, видите ли, не рыпался против вышестоящих! Чтоб своё не гнул! ПО-МО-ГИ-И-И-ТЕ!!! У персонала нет совести!

Олега пронял озноб, словно он с головой окунулся в ледяную воду, заставив невольно вздрогнуть. Он отстранился от двери и, посмотрев в глаза Дмитрия, поинтересовался:

– То, что он говорит, правда?

– Для него это непоколебимая правда. Но это пройдёт. Заболевание не слишком тяжкое. У него остро выраженная белая горячка, а значит, непременно пойдёт на поправку. При некотором содействии, конечно.

– Что от него требуется, чтобы он начал вылечиваться?

– Первостепенно, это наотрез отказаться от спиртного. К счастью, наша лечебница в полной мере предоставляет эту возможность. Далее, это добровольное участие в психотерапиях и желание вникать в услышанное и мотать на ус. Это мы тоже предоставляет, так как обыгрываем терапии так, что там нескучно. И третье – обязательный приём лекарств. А по мелочам, так это зарядка, хорошее питание, при желании участливость в творчестве, через которое высвобождаются пагубные мысли.

Олег закивал, но чуть скривился, так как главврач, произнеся последние два слова, посмотрел на него так, словно бы знал больше него самого о самом себе.

После этого они осмотрели другие этажи, и аудитор про себя посетовал, что не смог найти того, за что можно было бы зацепиться и к чему желательно придраться. Должен же он, в конце концов, уцепиться за нечто эдакое, не правда ли?

Они вышли на улицу с чёрного хода, где витал бодрящий воздух, чуть прошли по дорожке вымощенной щебнем, обсуждая увиденное. С небес мелкой россыпью сыпал слепой приставучий дождь. Влага попадала на лицо Олегу, недовольно смахивающему капли, хмурящемуся.

– Чёрт подери, ненавижу дождь, – признался он.

– Но как так можно? – включился Дмитрий. – Это же славное чудо! Это живительная сила мироздания, благодаря которой все мы живы и можем стать свидетелями ещё одного проявления настроения природы.

Но Аудитор лишь промолчал, заглядывая в теплицы и посещая сады, где трудились люди с лёгкими отклонениями. Они провожали его персону настороженными взглядами недоверчивости, и при этом с чутким вниманием того, на что именно он смотрит.

Его взгляд метнулся к кладбищу и в нерешительности остановился. Главврач, пропуская его вперёд, услужливо пригласил осмотреть и захоронение, авось и там что-то неладно. Но Олег недоволен и резко покачал головой, сказав:

– Нет уж, ни за что.

Вернувшись обратно в лечебницу, Олег присел за первый попавший стол и задокументировал увиденное. В коридоре, проходя мимо приёмной, завывала женщина:

– Бедненькие мы бедненькие, когда же мы выздоровеем? – вопрошала она, держась за облысевшую голову с редкими и длинными светлыми волосами.

Пока аудитор был занят, Дмитрий Волевой уделит время другому пациенту. Олег краем уха подслушал, что тот отчаянно считает себя не тем, кем является, а генералом воздушных сил. Он с остервенением требовал, чтобы из его головы извлекли копошащихся и зудящих червей, от которых он не находит себе места.

Став свидетелем этого концерта, главврач лишь вздохнул и прошептал:

– Да что же не ладится то... целая неделя терапии впустую...

Он озадачился, отрицательно покачал головой и звучно щёлкнул пальцами, подзывая надсмотрщика. Тот поспешно проводил больного к лестнице, и, торопя не задерживаться, по дороге треснул ему по макушке.

Когда Олег закончил, то вышел из приёмной и увидел другого человека, которой, часто озираясь назад и искал под скамьями нечто важное, каждый раз восклицая: «Ага, попался!»

Дмитрий Волевой сообщил:

– Олег, вы здесь новенький, но я по взгляду понимаю ваши мысли. Большинство из этих людей – заложники своих гнетущих мыслей, которые тянут тех на дно. У некоторых имеются нарушения когнитивных процессов, есть и с биполярным расстройством; отсюда и всплывают опасные душевные терзания. Конечно, есть больные поглощённые лёгкой депрессии, и их много, и, честно говоря, с ними всё более проще и лечение проходит плавно, без осложнений. Но... Да, есть и крайние и враждебные безумцы. К сожалению, многие из них безвозвратно потерялись в своём воображении, и мы можем лишь облегчить их страдания.

– Это место... – прошептал Олег, поёжившись. – Здесь тяжёлая энергетика и такой спёртый воздух... Что-то словно бы давит на меня и отчего-то здесь неприятно находиться.

Дмитрий усмехнулся:

– Ну ещё бы. Вы же, с непривычки, успели всякого насмотреться. Но, откровенно сказать, здесь есть и такие, – главврач задержал на нём свой взгляд, – которое даже хорошее видят в дурном свете. И это действительно прискорбно.

– Какова ваша цель, как главврача? – спросил Олег, вооружившись авторучкой.

– Моя первостепенная задача – сосредоточить усилия на выздоровлении пациентов, которые принимают руку помощи и до которых всё же удаётся достучаться, переубедив пересмотреть свои взгляды на, как правило, внешний мир. Но иногда и на внутренний.

– Понимаю.

Главврач сверился со временем и воскликнул:

– Ох как время бежит! Олег... Гм. Не хотели бы вы поучаствовать в групповой психотерапии? Скажем так, чтобы более глубоко вникнуть в суть происходящего.

Олег спустя долю секунды кивнул.

Аудитор и главврач добрались до центрального зала на втором этаже, где с высоких окон изливался щедрый свет бледноватого светила. К их приходу надзирателями уже были расставлены деревянные стулья по кругу. Спустя минут пять многие из пациентов либо сами пришли, либо их проводили и усадили.

Дмитрий Волевой присел, чуть прокашлялся, почтенно провозгласив:

– Добрый день, друзья. Сегодня мы начали чуть позже и закончим пораньше. На прошлой встрече мы закончили... Да, помню, с тебя, Виктория. Скажи, у тебя есть настроение и желание продолжить вчерашний рассказ?

– Ох дорогой вы мой, да где же как не здесь я могу свободно выговориться? – отозвалась женщина с чёрными как смоль длинными волосами, без конца пронзая их пальцами и расчёсывая сверху вниз. – Где ещё найди умных слушателей? Вчера я открылась всем вам, что никто из мужчин не замечает меня, а кто-то из всех вас язвительно заявил, что это из-за моей гордости. Кто-то даже усмехнулся, сказав, что это оттого, что у меня полоумный взгляд и нетипичный говор. Ну и что! А, скажите, разве я плоха как человек?

– Виктория, думаю, никто из нас не вправе решать, хорошая вы, или плохая. Не дуйтесь на мужчин, они и сами не сознают, какую женщину упускают. Вот увидите, всё у вас заладится, так как вы охотно принимаете помощь. В вашей жизни непременно появится мужчина, и он будет ценить вас. Так и будет, просто подождите чуть-чуть.

Пациентка безобразно осклабилась, задумавшись.

Главврач сменил тему:

– До меня дошёл слух, что вчерашней ночью кто-то из проворных смог улучшить момент, запутать надзирателей и своровать из докторской спирт, – слышались то приглушённые, то нервные смешки. – Да, это в чём-то забавно. Михаил, ты случайно не знаешь, кто бы это мог быть?

Главврач многозначительно посмотрел на пациента напротив него.

Бледнолицый Михаил, убрав каштановую чёлку со лба, поджав губы вздохнул:

– Дмитрий Яковлевич, от вас вообще ничего нельзя скрыть! Ну как же так можно с первого раза угадать? Как вы, в самом деле, догадались, что это я?

– Такая профессия.

– Ну ладно-ладно, признаюсь, что теперь и именно теперь я сожалею об этом. Но он был таким прехорошеньким!

– И это очень дурной поступок. Этот спирт мог пригодиться больным при серьёзных порезах и не только, в числе которых могут оказаться твои друзья.

– Извините. Сердечно извините! Я постараюсь быть более сдержанным. Вот увидите, я возьму себя в руки. Я умею брать себя в руки, вы же знаете это не хуже меня...

– Космонавтом! – воскликнул кто-то, отчего парочка пациентов подпрыгнули на месте.

Главврач просветил Олега Сурдина:

– Наш Алексей отчаянно хочет стать космонавтом и, вполне возможно, станет. После того, как вылечится, конечно.

Курносый Алексей, оживлённо закивав, болезненно-криво улыбнулся и, засмеявшись, подытожил:

– КО-О-СМОНА-А-ВТОМ!

Закивав своим мыслям, Дмитрий Волевой посмотрел каждому из присутствующих в глаза и, кивнув женщине в расцвете пышности и природных дарований, спросил:

– Зоя, как мы сегодня?

– Ох... – только и промолвила женщина с витыми не то рыжими, не то красноватыми волосами, отрицательно качая головой, крепко вцепившись кистями в свои колени, словно бы это способно помочь.

– Снова кошмары?

– Кромешные ужасы. Они... так реалистичны, как другая грань этой реальности.

– Что именно тебе снилось, расскажешь нам?

– Это вы интересуетесь, или мой папа, который вам звонил и который вам указывает, как со мной нужно себя вести? А?!

– Зоя, перестань, – попросил Дмитрий, примирительно-добро посмотрев на неё. – Не выдумывай. Твой отец уж давно мне не звонит, и сейчас только я могу тебе помочь. Так каков был твой сон?

– Ладно, – она зажмурилась, прямо как как противная девчонка. – Помню, словно смотрела на себя, сонную и оголённую, со стороны. И... рядом со мной копошилось какое-то небольшое существо с морщинистой мордой, чью руки и ноги были плотно прижаты к своему телу. Он... раскачивался то взад, то вперёд, перебрался на мой живот, и я разглядела, что он до крайности отвратителен, и... что у него были выпуклые уши, а сам он начал своими волосатыми руками трогать меня. А затем я не выдержала его гортанных напевов и проснулась, вскрикнув.

– Кажется, это был инкуб, – сказал главврач, – Скажи, ты когда-нибудь была в картинной галерее?

– Эм... Да, и несколько раз. Правда, то было очень давно.

– Вполне возможно, что этот сон возник у тебя из-за впечатлительности перед старинными картинами с потаёнными в них мистицизмом. Кажется, картина должны называться «Ночной кошмар». Также я не отрицаю ту возможность, что тебе, здесь, не хватает мужского общения.

– Мужского? Да разве здесь есть настоящие мужчины?

– Я бы не был столь категоричен. Что ж...

Дмитрий Волевой слева направо начал неспешно заглядывать каждому из присутствующих в глаза, как бы ища, кого и что терзает, кто и что утаивает и желает раскрыться.

– Валерий, я вижу, тебя что-то гложет. Ты словно бы отчего-то переживаешь.

– А чего мне переживать? – спросил молодой гладко выбритый и опрятный человек с зачёсанными назад чёрными волосами, – Я здесь самый красивый, и все вы это прекрасно понимаете. Остальное меня не волнует. И вообще это неоспоримо.

– Лично я считаю и думаю, что со мной согласятся, что здесь каждый по-своему красив.

Пациент, чуть привстав, огрызнулся:

– Но я же выделяюсь, так? ТАК?!

– Ни в коей мере. Скажи, чего именно тебе сегодня желается?

– Да что вы прицепились ко мне?.. Уф! Я... хочу признание моей красоты, довольны?

– Валерий, я знал одного человека, которого в детстве излишне баловали и беспричинно за мелочи возвышали, но впрок ему это не пошло. Пойми, ты такой же обычный человек, как и все мы здесь присутствующие. Ты не выпускаешь свет красоты, и никто по собственной воле не желает притворяться, что ты чем-то выделяешься.

– Но...

– Не стоит постоянно ожидать признания и на этом заикливаться. Относись к жизни проще, и люди к тебе потянутся. Прислушайся к моим словам хотя бы сегодня.

Молодой человек, ожесточённо-крепко скрестив руки на груди, смолк. Он нахмурился и стал мрачнее серой тучи, то и дело вздыхая, безостановочно мотая ногой.

Воцарилась тишина.

Главврач что-то чиркнул в записной книжке и словно бы невзначай встретился долгим и спокойным взглядом с Олегом.

Аудитору стало не по себе.

Ещё никогда он не испытывал на себе взгляд, испускающий некую потаённую силу, которая приобрелась, как ему казалось, через трудный опыт, разочарование и боль, закалившие его. Олег должно быть с пол минуты не мог переметнуть взор в сторону, потому как был под впечатлением проникновенности силы взгляда главврача, словно бы он знает его потаённые грехи, желания, мысли и чувства, которые были для него как на ладони.

Олег, чувствуя в себе непреодолимое желание выговориться, произнёс:

– Вы все так прекрасно рассказываете о себе, да. А я? А что я?.. Ну, иногда не прочь выпить. Да, грешен... И всё же нет, не даёт мне покоя мысль, что однажды от выпивки и моей вспыльчивости пострадала моя жена, у которой случился выкидыш... Да, на мне великий грех, но хуже того то, что ребёнок появился на свет недоношенным и умер. – он горько, протяжённо вздохнул. – Я никогда себе этого не прощу... Никогда.

– О-о-о, приятель, зря ты это ляпнул, – отозвался Михаил.

– Некоторые тайны лучше держать в себе, – добавил Валерий.

И только спустя пол минуты Олег опомнился, как бы избавился от пелены тумана в сознании и со злостью стукнул себя по колену, понимая, что сказал то, чего вовсе не собирался говорить, словно кто-то потянул его за язык.

Он посмотрел на главврача, и тот, хмуря брови, вновь сделал запись. Через пару мгновений Дмитрий Волевой нашёл в себе силы улыбнуться и произнести:

– Ну, на сегодня всё, друзья. Завтра мы ещё увидимся. Подумайте над услышанным.

Женщины и некоторые медсестры пилили взглядом Олега, который, про себя шепча проклятье, думал:

«Как я вообще мог об этом проболтаться? Тем более в таком месте? Вот дурень-то!»

Главврач, кивнув, сказал:

– После осмотра территории нам надо будет с вами поговорить.

– Договорились. Я... сам не знаю, как у меня это вырвалось... Ладно. Ну, куда теперь?

В это время за углом в просторной комнате проводились занятия караоке, куда поспешили пациенты сразу после терапии. Ничего интересного Олег там не увидел, и уж тем более не услышал, буквально перебарывая себя, слыша ломанные голоса и нечленораздельную тарбарщину под звучание скромного магнитофона. Люди хоть и старались приложить усилия, но совсем не были одарены талантом.

– Вам не нравится? – спросил Дмитрий, видя окислившуюся физиономию Олега.

– Да как вам сказать... Как такое вообще может нравиться?

– А пациентам помогает сбросить нехорошие эмоции и стать более раскованными. Это особенно способствует улучшению настроения депрессивных, если они, конечно, найдут в себе силы спеть на публику. Но в основном перебарывают себя и находят, и это прекрасно. Заметки не напишите? Всё в голове сложно удержать.

– Знаете, да здесь... Здесь всё хорошо. Пройдёмте дальше.

Пройдя в коридор и чуть пройдясь по нему, Олег увидел, как двое надзирателей за руки тащили противящегося и воющего низковатого олигофрена, скрутив ему руки. Даже сквозь слёзы на крупноватом лице он продолжал болезненно улыбаться, словно бы улыбка эта намертво застыла на нём, как глиняная маска. По дороге ему всыпали, обругали, а тот без остановки ревел. Аудитор обратил на это внимание и на то, что у пациентов в коридоре мгновенно переменилось настроение, что они и сами принялись что-то мычать себе под нос, а некоторые даже пустились в плачь.

Главврач отлучился на минуту, раздал распоряжения и в этом же самом длинном коридоре появились медсёстры, успокаивающие остальных.

– Прошу прощения, – сказал он. – Непредвиденные обстоятельства. У нас, признаться, редко находится спокойная минутка. Всегда что-то да происходит.

Олег отозвался:

– Вы понимаете, что в вашей лечебнице враждебный персонал? Сознаете, что я могу написать в своём заключение?

– Я всё прекрасно вижу, и это меня печалит. Но и вы поймите надсмотрщиков: они несчастны. Как вы, наверное, догадываетесь, работа здесь не из приятных и отражается на

душах слоем негатива, который, увы, выплёскивается на безобидных пациентов, которые не в состоянии дать сдачи. Надзирателям так проще, нежели разобраться в себе и увидеть плюсы в жизни.

– И вы, конечно же...

– Я пробовал их переубедить и изменить их методы, проводил с ними разъяснительные беседы. Безрезультатно. К сожалению, некоторые пациенты понимают лишь силу, и они глухи как к внушениям, просьбам, так даже и к мольбам.

Чуть погодя они заглянули в кабинет к главврачу. Это комната была без излишеств: около высокого окна громоздился тёмный шкафчик с папками, на простецком столе красовался старинный как бы золотистый патефон, а совсем рядом, на полу, чернели и бросались в глаза гири.

Олег чуть походил по комнате, довольно закивал сам себе, выглянул в окно и увидел там трудящихся в саду пациентов, ровняющих кусты и рыхлящих землю. Он услышал звучание, или точнее журчание классической музыки духового оркестра из патефона, и, щёлкая пальцами, как бы пытаясь ухватить мысль, он наконец объявил:

– Это Чайковский. Вальс цветов.

– Всё верно, – улыбнулся Дмитрий. – Наипрекраснейшая и гармоничная композиция.

– Вы упражняетесь с гирями?

– Поддерживаю себя в форме. Полезно для организма в целом. – чуть склонив голову, он добавил: – Хотите попробовать?

– Ну, разве что немножко.

– Только для начала разомнитесь.

Спустя минуту, разогревшись, Олег кое-как с натугой оторвал от пола гирю, весом не менее двадцати восьми килограмм. Он чуть приподнял её, и его лицо зарделось, после чего он, усмехнувшись, бросил попытку, промолвив:

– Ох и богатырь же вы, такие тяжести тягать!

– Как бы это не звучало избито и банально, но в здоровом теле действительно присутствует здоровый дух.

– А... Каким знаниями вы обладаете?

– Вряд ли вам это будет интересно.

– Будет, будет.

– Смолоду меня потянуло на изучение гуманитарных и общественных наук. Набрался опыта в психологии, патопсихологии и психиатрии. Ещё с детства любил помногу читать и до сих пор выкраиваю для этого время.

Олег, присев за услужливо предоставленный стол главврача, сделал записи для комиссии и должностных вышестоящих лиц по обходу лечебницы. Всё также журчала классическая музыка, и Дмитрий Волевой, выглядывая в окно, то и дело вздыхал, довольствуясь крепким чаем.

– Ну, что ж, осталось только проверить столовую.

– Прошу за мной, – отозвался главврач.

Они добрались до непримечательной обширной столовой; тут и там громоздились длинные столы с ломаными краешками, и разными стульями, начиная от табуреток с мягкими сидушками, заканчивая пластиковыми креслами с постеленными на них полотенцами для удобства.

Увиденная нищета взвинтила Олега, словно его внезапно ущипнули, но главврач примитивно сказал:

– Да понимаю, но пока что только так. У нас, видите ли, был пожар, вот и погорели стулья. Временно приходится использовать то, что есть.

Зато разнообразие еды немало удивило аудитора. В это время, когда за высокими окнами солнце хитрило и желало спрятаться за кронами деревьев и лихих гор, подавалось следующее: пышки с ранетками, щи с укропом, и манная каша на молоке с нарезной морковкой. Дополнительно каждому был выдаваться ржаной хлеб с кабачковой икрой и три конфеты. Запивалось всё это по выбору; либо вишневым киселем, либо компотом из сухофруктов.

Олег удовлетворённо закивал, и даже согласился опробовать кисель, а после и на дорожку подкрепиться. Впрочем, ему не понравилось здешняя кухня и другого он не ожидал от себя.

После этого аудитор сделал последние заметки и вместе с главврачом направились к выходу. Олег помнил, что договорился с водителем, чтобы она забрала его и журналиста ближе к вечеру. В тот день аудитор сделал множество записей, включая на ходу, и в целом был на редкость доволен собой, предвкушая, как вернётся в родные московские края к семье, в загородный дом.

Вновь минуя длинный коридор первого этажа, Олег засмотрелся на подозрительного пациента, который словно бы прятал что-то в руках. Чуть замедлив шаг, зорко посмотрев на него, он увидел встречный настороженный взгляд человека из-под могучих чёрных бровей, чьи глаза попеременно закрывались, словно бы не по собственной воле. Аудитор замедлился, с интересом продолжая смотреть на человека, во взгляде которого читалась некая утайка чего-то важного.

И не успел Олег и опомниться, как пациент, быстро вскочив со скамьи, настигнул его и повалил. Больной с силой впился желтоватыми зубами ему в левую руку, да так, что тот невольно вскрикнул, чувствуя, как от него оторвали живой кусок.

Олега чёрным непроницаемым одеялом обволок ужас, но невыносимая боль быстро перекрыла (вытеснила) его. Из его горла непроизвольно вырвался хрип, и он сильнее завопил, пытаясь ногами и свободной рукой отбросить от себя человека, чьи окровавленные зубы были с гнильцой и кариесом.

Всё произошло настолько быстро, что только спустя мгновение главврач обернулся и увидел эту картину.

Дмитрий Волевой подбежал на помощь, резким движением схватил пациента и отцепил от аудитора, а тот с силой ударил его по ноге, отбежав на шаг назад и завизжав:

– Ага, и ты с ним заодно!

Пациент замахнулся на Дмитрий, устремил в его лицо кулак, – но был немного озадачен. Главврачу удалось поймать его выпад, закрутить руку за спиной, и, по шажочку делая назад вместе с больным, он дошёл до стены и локтем нажал на красную кнопку с динамиком.

Послышалось шипение, после чего главврач сказал:

– Никитич, срочно ко мне!

Буквально через минуту прибежал коренастый надзиратель вкупе с ещё двумя людьми в белых халатах. У пациента в это время пошла пена изо рта, будто он наелся мыла, глаза закатились и побелели, и сам он дышал прерывисто, скуля и моля отпустить его. Вырывающегося больного кое-как прижали к полу, после чего поставили два укола. Через пару минут он лишь еле слышно подхихикивал, а чуть погодя так и вовсе смолк, утихомирившись.

Всё это время Олег провёл на полу, вжавшись в стену, неистово боясь, как бы пациент вновь не нашёл в себе силы накинуться на него. Аудитор вспотел до ниточки, будто бы окунулся в ручей; он чувствовал непосильную дрожь во всём теле, а раненая рука продолжала кровоточить.

Дмитрий, подойдя к аудитору, поднял его повреждённую руку вверх, оглядел и воскликнул:

– Вот уж свезло-то! Да этот же пациент только недавно вылечился от бешенства. Что вы на меня так смотрите? Лучше держите руку наверху, чтобы кровь перестала течь. Сейчас, разберутся с пациентом, и вами займутся.

– Я... – промолвил Олег.

– Вы, уж извините, редкостный идиот. Зачем вы на него «так» пристально смотрели? О чём вы думали?

Олег не нашёлся что ответить. Он и сам не знал ответа.

Наконец очередь дошла и до него. Главврач помог дойти Олегу, ступающему нетвёрдой поступью и то и дело отчего-то дрожащему, до докторской. Ему промыли рану, поставили

обезболивающее, после чего зашили повреждённый участок кожи, и наконец вкололи противостолбнячную сыворотку и перебинтовали.

Дмитрий Волевой, метясь от окна к двери, спросил:

– Нет, Олег, вы скажите мне, как можно было так сглупить?

– Я... Я совсем не знаю. Тот человек, то есть пациент, показался мне знакомым, и он словно прятал что-то. Это привлекло моё внимание, и я отвлёкся. Он... такой жестокий, и так больно впился в меня...

Главврач посчитал нужным дать аудитору успокоительного, и, чтобы не терять времени, попросил его добавить новые подробности в рапорт, а после подкорректировать. Дмитрий прекрасно понимал, что происшествие неминуемо всплывёт на поверхность и хотел, чтобы оно было справедливым.

– Нет-нет, уважаемый Олег, я считаю нужным, чтобы вы более подробно описали ситуацию и увиденное до этого.

– Но это займёт время, а на дворе уже ночь. Уж не хотите ли вы, чтобы я...

– Именно так.

– Пойдите, вы, что, не хотите меня отпустить? Я достаточно насмотрелся и сделал нужные записи.

– Откровенно говоря, я вижу в вас не совсем здорового человека. В частности после рассказанного на терапии.

Дмитрий Волевой, уверенно глядя ему в глаза, убедительно добавил:

– Я наблюдаю за вами и прошу довериться мне для своего же блага.

– Да вы, что, вообще обалдели?! – вспыхнул Олег, шипя. – Чтобы я и остался в таком гадком местечке? Чёрта с два!

– Это необходимо и решено бесповоротно.

– Вы... Как вы смеете? Кем это решено, а?!

– Мной, – ответил Дмитрий.

Олег не выдержал и с силой ударил кулаком по столу, о чём, впрочем, тут же пожалел, обрушив повреждённую руку на толстое дерево, которое, если бы могло, усмехнулось бы над мужчиной. Он сморщился, скривился от боли, и, резко встав, посмел вплотную подойти к главврачу.

Но из-за спины Дмитрия Волевого тут же возникли двое надзирателей, впрочем, сам главврач и глазом не моргнул и не отступил. Он лишь понимающе кивнул, сказав:

– Думаю, вы послушаетесь мудрого совета и какое-то время побудете здесь. Прошу пройти за мной.

– Вот увидите, я докажу, что у меня здоровый рассудок!

– Время покажет.

– И вы пожалеете о своём решении!

– Ну это вряд ли.

Олег, следуя за Дмитрием, и дальше продолжал задыхаться от подступившей к горлу злости, которая поднималась от шеи к голове, словно горячий пар в чайнике. Они поднялись на второй этаж и попали в новую комнату на двух человек. Главврач сообщил, что это помещение предназначено для тех, кто скоро выпишется, тем самым чуть обнадёжив терзания аудитора, оживлённо закивавшего.

Как только Олег вошёл в неё и дождался, когда его оставят одного, он разочарованно вздохнул:

«Твою мать, вот уж везёт! Сучье место проклятуших! И я здесь оказался!»

Он чуть было снова не обрушил кулак на стену, но нашёл в себе благоразумие сдержаться. Олег с силой закричал, да так, что батарея от этого задрезжала.

До него дошло, что ему посчастливилось оказаться в месте, которое Богом забыто, в месте, где на людях ставят крест родные, и именно там, где живут истерзанные ужасающими заболеваниями страдающие души тех, кем боится стать нормальный гражданин, потаённо сознавая мрачность психиатрической лечебницы и безысходность положения больного, напрямую зависящего от воли медперсонала.

Олег взял себя в руки и осмотрелся.

Стены этой комнаты были обложены светло-сиреневой плиткой, свет от одинокой лампочки был хилым, приглушённым. Временами свет то затухал, еле освещая комнату, то усиленно мерцал, испуская тоненький скрежет. У стены возле крепкой деревянной двери находился кран и раковина с крупными трещинами-ромбами по краям. К счастью, имелся какой-никакой туалет, в бочонке которого не переставала мерно плескалась вода. У высокого зарешечённого окна, с видом на запущенную часть сада, ютились две небольшие стальные кровати, уголки которых были притуплены (несомненно, для мер безопасности, чтобы пациенты не могли себе навредить). У их изголовья притаились низковатые тумбочки, на одной из которых разлеглась жёлтая тетрадь с ручкой.

Аудитор отрицательно качал головой, ворча себе под нос недовольство. Опомнившись, он достал из кармана пиджака сотовый и позвонил жене.

Увы, ему не удалось дозвониться; она не взяла трубку.

Когда он уже хотел было лечь спать от безразличия, ведущего схватку безысходностью, снимая с себя ботинки, в комнату вошёл главврач. Он указал рукой на тетрадь и сказал:

– Напишите в тетради то, что вам довелось пережить. Потом перечитайте. Это поможет вам лучше понять себя и поспособствует душевному спокойствию.

– Ладно, – буркнул он.

– Доброй ночи.

Когда главврач покинул его комнату, Олег тут же забрался под одеяло и, сомкнув глаза, пытался заснуть и хотя бы на время забыть этот день. Он ворочался с боку на бок, часто переворачивал подушку и то скидывал, то укрывался одеялом.

Наконец, когда ему осточертело бодрствовать во мраке, когда его доконали свои же гложущие мысли, словно приставучие оводы, он с разочарованным вздохом включил ночник. Взяв пустую тетрадь и ручку, аудитор прикинул, что вполне возможно запись пережитого поможет ему отвлечься и скоротать время, а там, глядишь, и ко сну потянет.

Усевшись поудобнее, он первое время вовсе не знал, что стоит написать, что стоит доверить бумаге. Чуть подумав, он незатейливо написал следующее:

Ох и денёк! Нет, я подозревал, что поездка в лечебницу имени Николая Эйзенлора запомнится мне, но не так же назойливо и агрессивно! Здесь по коридорам бродят то ли полумные люди, то ли крайне обессиленные пациенты с мутным взглядом, чью челюсти дрожат, с губ которых капает или слюна, а то вообще пена. Пока я делал осмотр территории мне пришлось на многое закрыть глаза. Нет, в этом месте словно бы сами стены давят на меня, пока я пишу всё это. В омерзительной ночной тишине слышен некий гул, словно бы демонический, к которому то и дело примешиваются болезненно-гортанные вои обезумевших женщин, от которых меня пробирает до холодной дрожи.

Я сегодня дважды поел, и один раз в этом величавом здании, а есть всё равно хочу, и нестерпимо. Наверное, от нервов. Попробовал было открыть дверь своей комнаты, а она ни в какую не поддаётся. Замуровали! И никакого-то сумасшедшего, а меня, аудитора, чью тень в Москве страшатся, не говоря уже обо мне самом.

Здесь я сам испытал такой силы ужас, что чуть коньки не отбросил. На меня напал пациент, он впился мне в руку и вроде бы оторвал кусок мяса (из-за крови не понять), и мои руки до сих пор дрожат, а я потаённо боюсь, как бы на меня не напал кто сзади.

Я приехал сюда с проверкой, но всё обернулось так, что теперь меня самого будут проверять на здравость ума! Неслыханно и до жути обидно.

О, Боги, к выкрикам женщин добавились отдалённые мужские хрипы, а после и нечленораздельная брань. Кажется, кто-то с кем-то дерётся и... Кто-то шибанул по моей двери чем-то тяжёлым! Нет, с меня хватит, нельзя мне в этом пропащем месте долго оставаться – это попросту может гадко отразиться на моей целостности ума, а того хуже и на здоровье.

Сейчас я перечитал всё то что написал и понимаю, что поддаюсь страху перед неизвестным, пасуя перед здравомыслием. Совсем не знаю, что мне принесёт завтрашний день, но я буду отстаивать своё достоинство до последнего!

Олег Сурдин, аудитор.

Олег обратно прилёг на кровать, вздрагивая от шума и гама, думая, что не сможет заснуть. Но его нервные запасы сил так истощились, что он, чуть отвернувшись, и сам не понял того, что отправился в мир грёз, где его возбуждённый рассудок сможет побыть в спокойствии хотя бы несколько часов до неминуемого пробуждения и нового дня.

2

Знакомство с местными.

– Олег! Олег, проснитесь!

– Что, что такое?..

– Уже вечер, а вы всё спите. Вы пропустили приём лекарств.

– Лекарств? А, да, конечно... Стоп, каких лекарств?

– Для вашей пользы. Да откройте же вы глаза!

Аудитор через силы разомкнул засохшие глаза, и в него впился блеклый свет единственной лампочки, временами мерцающий. На его кровати сидел Дмитрий Волевой, заинтересованно листавший его тетрадь. Усмехнувшись, он сказал:

– Да, а вы, конечно, впечатлительны.

– Что вам от меня на самом деле надо?

– Для начала примите лекарства. После вам, так уж и быть, принесут ужин, так как столовая уже закрыта. Можете чуть-чуть погулять по коридорам, а уж завтра приготовьтесь проснуться в семь утра.

Олег оделся и направился вместе с главврачом к сестринской на этом же этаже. Через решётчатую стойку ему подали скромного размера блюдце с таблетками и миниатюрную картонную кружечку с водой. Он, вопросительно посмотрев на всех присутствующих, внимательно следящих за ним и понял, что в таблетках может быть всё что угодно, и не факт, что ему полегчает, потому как чувствовал он себя более бодрым и собранным, нежели день ранее.

– Нет, знаете, я отказываюсь.

– Значит, отказываетесь? – поинтересовался Дмитрий. – И вас не переубедить?

– Что вы мне прописали?

– Успокоительные. Несильные.

– Нет, я решительно против.

– Что ж, тогда...

Один из надзирателей достал воронку, другой, подойдя к аудитору сзади, скрутил руки, подняв голову кверху.

– Ребята, полегче, – попросил главврач. – Олег, может, вы передумаете? Не хотелось бы силком заставлять вас. Доверьтесь мне. Просто выпейте лекарства.

– Отпустите! – завопил тот, – Вы не имеете права так обращаться со мной! Кто вам дозволил применять силу?

– Олег, вы примете лекарство?

– ПРИМУ!

И он быстрым движением запрокинул блюдце себе в рот, запив водой. Главврач, с улыбкой глядя на него, попросил:

– Откройте, пожалуйста, рот.

Он открыл рот, показывая, что ничего там нет.

– Уберите язык вбок. В другой. О-о-о, голубчик, да вы хитрить вздумали! Не дело. Давайте, глотайте. Вот вам ещё воды, и более на сегодня мы вас не побеспокоим.

Олег ругнулся про себя, с ненавистью проглотив горькие, как скорбь и бессилие, лекарства. Дмитрий убедился в его добросовестности, после чего, кивнув, зашагал с надзирателем и врачом в противоположную сторону коридора.

Оставшись наедине, аудитор выглянул в окно: там были сумерки, и далёкие деревья, качаясь на ветру и поскрипывая, были освещены бледным сиянием месяца. Он увидел, как в коридорах и палатах приглушили свет. Дежурные, следя за порядком, не спали (почти). Некоторых из пациентов уже уложили спать, кое-кого и насильно, через грязную брань и истошные вопли и плевки. Этих людей накрепко привязали к кроватям, да так, что они не могли перевернуться на бок, не могли даже чуточку привстать, почесаться, поправить подушку, и вообще сменить положения, лёжа только на спине и отлёживая мягкое место.

Когда дежурные ушли, кто-то подзвал Олега к себе с просьбами хоть на чуть-чуть ослабить верёвки. Но тот через силу и лёгкое сочувствие отказался, опасаясь взбучки от надзирателей.

В коридорах имелись скромные питьевые фонтанчики, и, как услышал он, некоторые думали, что вода опасна и сто именно из-за неё они чувствую сонливость. Уж точно аудитор никак не ожидал, сделав глоток воды, что его застанут врасплох, резко развернув за плечи и выкрикнув ему в лицо:

– Что ты сейчас сказал?!

– О Боги, да молчал я, молчал.

У этого пациента совершенно не было волос на теле и лице с худобой, которая поражала своими заострившимися чертами. Он продолжал трясти Олега, смотря ему в глаза и выкрикивая ему в лицо проклятья.

Олег не устоял под напором и повалился, защищая лицо. Через мгновение больного увели, а приятной наружности медсестра помогла ему подняться, сказав:

– Вы извините нашего Игнатия. Он иногда слышит голоса и ему кажется, что его оскорбляют. Он бессилен перед ними, бедняга. Но, что с вами? Вы такой бледный. А-а-а, так это же вы прибывший аудитор, да? Вам впору подкрепиться. Идите в свою комнату, я вам принесу.

Еле соображая, он поплёлся к себе, чувствуя, как в его висках барабаном стучит кровь от пережитой неожиданности. Он понимал, что слаб и ничтожен, словно бы притягивает неудачу и тех, кто готов польститься изъязном немощи другого, выпустив пар.

Его накормили, обнадёжили и вновь дали дополнительную порцию успокоительное, которое словно бы не помогало и которое он сам и запросил.

Этим же вечером, до отбоя, набравшись смелости и вновь выйдя в коридор, Олег увидел печально смотрящего в окно человека, часто вздыхающего. Этот человек словно бы был скован в движениях и отчего-то часто кивал. Обратив внимание на аудитора, он спросил:

– А ты? Ты тоже слышишь, как они громко кричат? Многоликие голоса нашёптывают мне вести себя по-другому, агрессивнее и жёстче. Но на третий раз я на это не попадусь и больше и думать не посмею о побеге. Снова быть избитым надзирателями? Нет уж, дудки. Этим только дай волю порезвиться, чуть что, сразу пустят в ход кулаки. Эх, знал бы ты, болезненный, как больно они бьют в живот, у меня аж до сих пор, спустя месяц, что-то ломит внутри. О боже, опять голоса. Да, да я слышу. Слушай, я что-то не понимаю, ты пришёл ко мне, заговорил со мной, но... Я это я, или я, это ты? Или ты, это я? Ты чувствуешь то же, что и я? Ох, как же больно голове. Слушай, а чем бы ты хотел заняться послезавтра вечером в это же самое время?

Олег, нахмутив брови, молча подобру-поздорову отстранился. Сейчас, отойдя к другому окну, он призадумался: а действительно ли он, это он сам? В последнее время он крайне не в своей тарелке, и словно бы стал чувствовать и ощущать себя по-иному, не так, как раньше. Он как бы стал иначе воспринимать реальность, видя её с жестокой, затемнённой стороны, и в этой лечебнице было место только боли, обречённости и страданиям, и лишь чуть-чуть находился еле светлый уголок для надежды, кое-как теплящейся, слабо поддерживаемой тщетными мечтаниями о вылечивании и долгожданной свободе.

– О-о-отбой! – послышалось из-за динамика на стене.

Аудитор не стал задерживаться, хоть его и не клонило ко сну. Вернувшись в свою комнату, он разделся и укутался в кровати, не понимая, зачем он здесь находится.

И стоило ему только сомкнуть глаз и увидеть лик своей жены, нежно улыбающейся, смотрящей на него с непреодолимой печалью, как он услышал над собой:

– Пора-пора, да-да, уже утро!

– И птички поют, и жужки жужжат, – добавил другой голос.

Олег с ненавистью открыл глаза, чувствуя себя несобранным и разбитым, понимая, что его отдых нарушен из-за каких-то мелких принципов расписания. Его желанный сон прервали, и этим утром не было в его сердце места для радости.

– Чёрт же возьми-то... – промолвил он, одеваясь, с завистью поглядывая на бодрых надзирателей, которые отправились в коридор.

Стоило ему только умыться и выйти в коридор, как все люди толпой повалили к сестринской. Не отставая от своеобразного коллектива, понимая, что и его не оставят без лекарств, он выстроился в очередь, то и дело чувствуя, как его сзади небрежно толкали и назойливо спрашивали, когда дойдёт очередь до них.

Главврач аккуратно протиснулся через пациентов, встретился взглядом с Олегом, и, кивнув, передал ему лекарства, сказав:

– Добрый день. Прошу вас принять эти лекарства.

– Не такой уж и добрый день, а скорее серый, как пасмурность, – пробубнил аудитор.

– Что-то вы совсем кислый, вот прямо как настоявшаяся квашеная капуста.

Он проглотил и запил таблетки, одна из которых была особенно горькой настолько, что он невольно закашлялся до слёз, отрицательно качая головой.

– Уф.

– Вот и прекрасно. Этим днём вы назначены в прачечную.

– В смысле? Зачем? Почему? Что?..

– А всё просто – труд излечивает, – улыбнулся Дмитрий, добавив: – После завтрака спуститесь на цокольный этаж, там вас будет ожидать Богдан Михалыч.

– Но, в самом деле, какого чёрта? Зачем мне стирать чужую одежду?

– И не только одежду. Работа руками поможет вам сбросить нехорошую энергию и вредные мысли.

После того, как Олег подкрепился рассольником и винегретом, он заспешил по коридорам, часто оглядываясь назад, как бы боясь, что его схватят или ударят. Теперь он не позволял себе лишний раз задерживать придирчивый взгляд на пациентах, и даже на медперсонале и надзирателях, опасаясь вновь наступить на старые грабли, которые и до сих пор не давали ему покоя.

С помощью медсестры ему удалось найти цокольный этаж с крутой лестницей и в потёмках добраться до конца обширной, чуть мрачноватой комнаты, где в воздухе повисла тёплая влага, где было множество столов с простынями, наволочками, одеялами и разномастной одежды, и где в допотопной крупноватой стиральной машине вращалось бельё.

Из-за угла выскочил мужчина с плешью седой бороды, проворчав:

– Ага! Воровать нагрянул?

– Нет, честно нет. Меня сюда направил Дмитрий Волевой, в помощь.

– Ого, какая честь. Ну, что ж, хорошо. Помощь никогда не помешает. Только знай, я люблю во время работы прерываться и хорошенечко покуривать. Так что не сердись, если буду сильно дымить. Звать-то тебя как?

– Олег Сурдин.

– Работы тут непочатый край. Только успеешь справиться с грудой белья, как вновь приносят новую. И так постоянно. А дело твоё таково: будешь на руках выстирывать одежду, полоскать, гладить и складывать.

– Почему это на руках? Здесь же есть стиральная машина.

– Э-э-э не, халява со мной не пройдёт. Я человек немолодой, быстро устаю, а ты молод, и вся сила у тебя в руках. Вот я и буду пользоваться стиральной машиной по старшинству. Ну, приступим!

Какое-то время Олег оживлённо спорил с пожилым и упёртым человеком ровно до тех пор, пока Богдан Михалыч не треснул его по лбу. С виду этот жест мог показаться шуточным, но аудитор не устоял на ногах и повалился на тряпье, зардевшись от подступающей злости.

– Только попробуй рыпнуться, новичок, я тебе и по носу могу щёлкнуть!

Олег усмирив пыл, в сердце понимая, что мужчина принизил значимость своей силы, и от него можно ожидать чего угодно. Он кое-как подавил гнев и временно смирился со своим положением. Проверил свою пораненную руку: кровь под бинтом толстым слоем запеклась, словно заскорузлой корой.

Ему ничего не осталось, кроме как смириться со своим положением и приняться мылить одежду в огромном тазе, с остервенением тереть её друг об друга, выжимать и снова мылить. После этого он полоскал её под краном, откуда проистекала исключительно холодная вода, колющая и словно бы режущая руки, обжигая их и заставляя невольно продрогнуть до боли. Он грел утюг с тканевой оплёткой, несомненно очень старый, как и это место, после чего силялся

в полумраке гладить бельё, доводя его до ровной глади, или, по крайней мере, стараясь, то и дело смахивая со своего лба струившийся пот. Кое-какую часть постельного белья он посчитал нужным развесить для просушки, и, когда он закончил и обернувшись, ахнул: к ним в прачечную надсмотрщики принесли новую партию одежды, где местами виднелась то кровь, то грязь, а то и вовсе нечто неприличное.

Аудитор закачал головой, открыл рот и про себя откровенно матернулся. В этот момент Богдан Михалыч позволил себе прелесть заслуженного отдыха; он, усмехнувшись, кивнул Олегу и, бережно держа в руках самокрутку удалился за угол, у духовому окну.

Олег быстро высвободил из стиральной машины наволочки и простыни, с невероятной проворностью втолкнул в машину принесённые одежды и, включив, стал смотреть, как бельё, крутясь, полоскалось, отмокая, сбрасывая с себя всю мерзостную гадость.

Торопясь, уже слыша шарканье ноги, вдавливающей в пол бычок, он мигом забрал одежду, вернув другие на место как раз в тот момент, когда Богдан уже выходил из-за угла. К этому моменту Олег уже как ни в чём не бывало принялся собственными силами отстирывать бельё, радуясь, что его не застали врасплох и что он хоть как-то облегчил свою участь.

Когда дело было сделано и все изматывающие трудности были позади, он перевёл дыхание и посмотрел на часы, на которых было без пятнадцати три дня. Аудитор обалдел оттого, как долго он был занят стиркой и тем, как незаметно пролетело время, бесследно испарившись в монотонной работе.

После этого он нетвёрдой походкой поднялся из цокольного этажа на первый, услужливо пропустил мимо себя двух надзирателей, несущих под руку вопящего пациента, чьи ноги скользили по полу, то и дело брыкаясь, пытаясь задеть недругов. Олег был настолько вымотан, его чувствительность нервных окончаний и фибр так притупились, что он не обратил на это ровным счётом никаким вниманием, пытаясь сообразить, куда теперь податься.

В длинном коридоре его встретила относительно знакомая медсестра, которая днём ранее покормила его. Ему разрешили погулять. Неприветливого типа надзиратель, то и дело хромающий, неловко переступая с ноги на ногу, словно бы как младенец учащийся ходить, проводил его до дворика.

Выйдя на свежий воздух, аудитор поморщился быющему в лицо солнцу, про себя поругиваясь. Олег оказался на охраняемой территории с южной стороны лечебницы. Эта обитель была зарешечена, и, как ему сообщил надзиратель, здесь дозволено гулять по стриженому ковроу травы только мирным и неагрессивным пациентам, или тем, которые скоро выпишутся.

Закивав, он поблагодарил того и чуть пообщался с одним мужчиной, который то и дело причитал:

– Ох, почему же всё так плохо-то?

Другой мужчина с округлыми очками на носу-клюве шептал:

– Я дурак? Да вы сами дураки, просто мне нескромно это сказать – воспитание не позволяет.

Женщина, сидевшая на скамейке в гордом одиночестве, печально вздыхала:

– Вчера небо было куда яснее. А сегодня ветер безжалостно гоняет облака, круша величественные замки.

Олег сообразил, что эти люди, должно быть, терзаемы депрессией, и оттого со стороны несчастны, и тем не менее понимал, внутри них, должно быть, всё более прискорбнее, если они не могут смолчать и удержать свои мысли при себе. Хотя от них и отдавало вселенской тоской, всё же они были несравненно более нормальными, нежели те многие люди, которых ему уже довелось лицезреть в самом здании лечебницы.

Пройдясь дальше по мятой траве, он увидел как за длинными столами на скамьях мужчины увлечённо играли в шашки и шахматы, а другие же шептались в сторонке, иные так вовсе бесцельно гуляли, меряя шарами пространство около стриженных кустов; парочка других, просунув пальцы через двухслойную сетку-рабицу и ухватившись за неё, пускали вдаль долгие взгляды и откровенно изнывали о потерянной свободе.

Удивило аудитора то, что в этом дворике были люди с лазурными ракетками и белоснежным воланчиком, играющих в бадминтон с задором, то и дело охая и ахая из-за промахов. Какое-то время он посидел на скамье рядом с другим пациентом, наблюдая за игрой и думая: что дальше на счёт него придумает главврач? Ему было понятно, что он необычный пациент, что к нему было иное внимание и другая заинтересованность медперсонала, то есть нулевая, мол, выпей лекарство и свободен до вечера.

И всё же что-то ядом жалило ум Олега и словно бы подсказывало, что дальше начнутся перемены на его счёт; в самом деле, думал он, не могут же они его держать в лечебнице лишь как прачечного, и уж совсем странно будет с их стороны не обращать на него внимание при том, что главврач считал, что с ним не всё в порядке.

Отмахнувшись от своих мыслей, он вернулся в лечебницу, проведя на улице около часа. В течение тридцати минут он метался из палаты в палату, дознавался о главвраче, искал его в конференц-зале и докторской, где ему всё же подсказали, что он сейчас в душевой и очень занят. Олег назвал себя аудитором, недавно прибывшим сюда и показал удостоверение личности, после чего на него стали смотреть чуть иначе, словно с некоторой опаской, проводив до умывальни.

За белоснежной дверью душевой послышались истошные вопли, к которым примешались ругань мужчины и обнадеживающие восклицания другого. Была отчётливо различима какая-то шумная возня, и любопытность Олега так разгорелась, что он ворвался в комнату и обомлел.

На мокром полу душевой под мощным потоком воды из шланга извивалась и визжала девушка, чья белая сорочка кое-где обнажала её стройный стан. Она брыкалась, закрывала лицо руками, жадно хватала ртом воздух и молила остановить всё это, будоража слух аудитора. Но надзиратель с тяжёлым взглядом, направив на неё приличную струю воды, был неумолим. Впрочем, и Дмитрий Волевой словно бы не обращал внимание на страдания девушки, то и дело словесно поддерживающего её.

– Что же вы творите? – выпалил Олег, и на него обратили внимание.

– Клин клином вышибаем, – отозвался надзиратель с бледным и кривым шрамом под глазом.

– Олег, не подумайте чего плохого, – отозвался главврач. – Никитич, выключи воду.

К этому моменту девушка стала учащённо дышать, и её проняла такая дрожь, что подбородок Олега страдальчески дёрнулся. Потаённо Олег желал ей помочь, но не знал как ещё и потому, что не понимал, что здесь происходит.

– Это вынужденная мера, – продолжал Дмитрий. – Только через принятие страха высвободятся подавление эмоций и пропадёт опасение холодной воды. – он перевёл взгляд, – Юленька, ты же знаешь, что в безопасности, так?

Она через силу кивнула, утерев слёзы. Через мгновение она не сдержалась:

– И зачем я только согласилась на это?! Лучше бы вас осквернили мерзкой ледяной водой!

Главврач лишь усмехнулся, кивнув надзирателю. Через пару мгновений струя воды забрызгала с ног до головы Дмитрия Яковлевича, промочив его костюм до ниточки, а он, глубоко вздыхая и смеясь, воскликнул:

– Ах как бодрит! Словно заново родился и вновь чувствуешь прелесть жизни. Юля, ну видишь, в этом же нет совершенно ничего вредного. Ты большая молодец, что добровольно согласилась встретиться со страхом. Но разве может быть вода скверной? Она оmyвает, избавляет от тяжкого груза и плохих мыслей, а также восстанавливает душевные силы. Ты же где-то глубоко понимаешь это, так?

– Вы... правы, – выдавила она.

– Давай ещё три минуты процедур, и ты на сегодня свободна и после того, как ты обсохнешь и погреешься, я разрешу тебе погулять во дворе.

– Вы не лжётё?

– Нет.

Она кивнула угрюмому надзирателю, словно бы не ведающему жалости, тут же включившего напор воды.

Дмитрий снял с себя большую часть одежды, выжал, обратно надел и они вместе с Олегом заспешили по коридору к нему в кабинет. То и дело за главврачом оставался мокрый след, и он, добравшись до своей обители, первым делом вытерся полотенцем за приоткрытой дверцей шкафа, переоделся в тёмно-синий пиджак достойного фасона, затянув на шее лазурный галстук.

Пройдясь по комнате до окна, главврач, не смотря на присевшего за стол аудитора, как бы мимоходом спросил:

– Спиртным баловались?

– Эм, ну... как бы...

– Да?

– Да.

Обернувшись, тот покачал головой, добавив:

– Это плохо. Вы знаете о вреде токсинов, въевшихся в ткань мозга?

– Что-то где-то слышал.

– Я назначаю вам уколы. Действенные. Помогут.

– Помогут что?

– Прозреть, избавиться от дурных мыслей, портящих вам жизнь.

– Простите, а когда, собственно, я уеду отсюда? Сколько вы намерены держать меня здесь?

– Столько, сколько понадобится. Всё что происходит – для вашего же блага.

– И когда вы хотите, чтобы мне поставили первый укол?

– Тянуть не стоит. Идёмте со мной.

Они дошли до докторской, где неминуемо подошла очередь Олега. Он уселся в кресло, закатал рукав своего свитера, почувствовал, как жгут плотно прилёг к его коже, сдавливая.

– Поработайте кулачком, – попросила приятной наружности уже знакомая шутница-медсестра с очками на носу.

Олег послушался, отвлёкся на подмигнувшему ему главврача и почувствовал, как в его кожу впилась игла, углубившись. И то, как что-то холодное устремилось по его венам, проняло его до озноба. Он был так охвачен новым непонятным чувством, что протяжённо выдохнул, видя, как предметы чуть закружились. Осмелился оглядеть свою руку: из шприца неспешно удалялась синеватая жидкость, до капельки устремившись в его организм. Когда медсестра вынула иглу, то тут же подложила ему под руку вату, подняв кисть кверху и попросив с минуту посидеть.

– Ох, что-то мне, как-то...

– Перед взором всё плывёт, так?

– Да...

– Плохо. В вас много токсинов отложилось. Ну да ничего, чуть помучаетесь, а потом будете как огурчик. Давайте я вам помогу.

Дмитрий Волевой взял Олега под руку и вместе с надзирателем пересекли не один длинный коридор, довели до его комнаты, помогли раздеться и уложили в кровать.

– Что-то мне нехорошо.

– Не сразу, но это пройдёт, – отозвался главврач, перед уходом добавив: – Я вас ещё навещу. Доброй ночи.

Но у аудитора не нашлось даже сил на то, чтобы что-либо промолвить. Он лишь кивнул и, кое-как отвернувшись к стенке, сомкнул глаза, чувствуя в себе новые перемены, и не сказать чтобы из приятных.

3

Терзаемый мучениями.

Как не старался Олег заснуть, а окунуться в мирную дрему ему не посчастливилось. Вместо этого он изнывал от жары, словно в разгаре июля сидел у камина, убирал от себя одеяло, а после до дрожи мёрз, как на пронизывающем ветру, возвращая покрывало и натягивая чуть ли не до головы. Он то потел, то трясся, что-то неразборчивое мыча себе под нос, лёжа в позе эмбриона и чувствуя, как всё его нутро не находило себе покоя при том, что в его комнате не было шумно и было тепло благодаря отоплению.

Он находился на мягкой кровати повернувшись к стене, и явственно видел перед собой худощавое и скуластое лицо некоего мужчины, чью чёрные как смоль глаза и улыбка тревожили его, часто заставляя переворачиваться обратно на левой бок, страшась этого мрачного лика и того, что сокрыто в бездне хитрого прищура глаз.

Но часто случалось так, что он свой левый бок и руку он отлёживал, и ему приходилось менять положение и опять видеть мужчину с нахально-высокомерной улыбкой, за которой словно бы таилась более могущественная сущность, нежели он сам. Хотя Олег и проводил большую часть времени лёжа и с закрытыми глазами, но заснуть ему не удавалось (по крайней мере так он сам чувствовал), отчего глубоко страдал, то и дело вопя и зовя на помощь, чтобы ему дали успокоительного. Зачастую его никто не слышал среди невероятного гама за дверью его комнаты, словно бы там произошло восстание пациентов против медперсонала.

Для Олега Сурдина каждая томительная и нежеланная минута длилась как долгий и ненастный час, во время которого его настроение было безвозвратно разбитым. Сам он, чувствуя изнеможение от физического бессилия, не желал лишний раз напрягать своё тело и чего-то добиваться от него через невероятным муки, от которых он моментально потел и чувство-

вал себя грязным, как дворняга. Ощущал себя сокрушённым и ненужным, и лишь невероятным усилием остатков воли добредал до туалета и возвращался обратно в кровать, то и дело продолжая грызть свитер до дыр.

На второй день Олег стал чесаться, местами раздирая кожу до крови, на следующий день ему стало казаться, что время просто встало и взбунтовалось против всего сущего: выглядывая в окно, за которым постоянно была темень, он не понимал, какое сейчас время суток. Поглядывая на часы, с трудом мог понять, какой сейчас час, будто бы сами глаза подводили его, а рассудок отказывался повиноваться хозяину и дать определения цифрам.

Через день аудитор стал подвывать, хныча, а затем и вопить о помощи, только бы кто-нибудь пришёл и обнадёжил, а то и поддержал его, как-нибудь оказав помощь. Но никто не приходил даже несмотря на то, что он вскрикивал до хрипоты, то и дело ударяя кулаком в изголовье кровати.

И при этом Олег понимал, что ничего плохого с ним не происходило, но ему было до такой степени беспричинно горестно и его душевные силы так истощились, что он задыхался от подступающей к своему разуму тревоги за свою жизнь и сохранность рассудка. И эта перемена резко сменила течение его жизни, будто бы всё то, что с ним сейчас происходило, исключительно безысходная тоска, которая так его охватила, не давая покоя и сна, что нет мочи больше терпеть происходящее.

Но разве был в силах этот человек осознать, что на самом деле происходит? Пока что нет. Уж что более стало волновать, а то и устрашать его, так это то, что под его кроватью, копошась и вереща, обжились длинноусые тараканы. Проходили минуты, часы, а они всё плодились, собирая могучую армию, охватывая эту комнату своими коричневыми тельцами.

Орды тараканов оживлённо перемещались рядами, завоевали тумбочку, захватили его обувь, а после рассредоточились на потолке, оживлённо двигая усами, грозя в любой момент свалиться прямо на него.

К нему в комнату вошли люди, чьи очертания лиц он никак не мог разглядеть из-за мрака в комнате. Олег отчётливо разглядел блеснувший шприц и то, как из него чуть выпрыснули жидкость вверх, холодом попавшую ему на лицо.

– Нет, нет, прошу вас, не надо... – только и промолвил он.

– Ещё как надо, – отозвался язвительный голос.

– Умоляю, только не снова! – через силу выкрикнул он, добавив: – Путь всё прекратится...

– Из-за чего вы так нервничаете? – спросил лукавый женский голос. – Неужто боитесь лёгкого укольчика?

Олег что было мочи задёргался из стороны в сторону, вырвал руку от захвата медсестры и, вопя, увидел, как над ним навис некий человек. Этот мужчина с силой придавил его к кровати за плечи и, удерживая его, выкрикнул:

– Он как с цепи сорвался! Скорее колите!

И вновь аудитор почувствовал, как в него впиалась холодная игла, а по венам заструилась неведомая ему жидкость, которая, как ему казалось, своими леденящими душу притоками объяло всё его тело.

Его оставили одного, что-то бубнящего себе под нос, то и дело отчего-то вздрагивающего и плачущего.

Уж давно слёзы на его щеках засохли, а он, тупо таращась в стену чувствовал, что находится в недозволенно крохотной комнатухе, словно бы медленно сужающейся, которая способна в любой миг не только подмять под себя мебель, но и раздавить его в лепёшку.

Самое неожиданное произошло, как ему казалось, дождливой ночью, когда за окном истошно перекликались вороны, оглашая округу сухими, ворчливыми и протяжёнными головами наподобие людского ропота. Олег Сурдин почувствовал невероятную усталость, да такую, что ему приходилось через силу дышать, только бы вобрать в лёгкие живительный воздух. Он был настолько подавлен происходящим с ним, что со скорбью и будто бы унижением обратился к Богу, чего раньше никогда не делал, с мольбой прекратить всё это, оборвать его мучения.

Его зубы отдавались друг об друга дробью, на свитере зияла крупная дыра, которую он раскусил.

Аудитор резко вздрогнул: в его комнату с шумом ворвались, вычеркнув мёртвую тишину:

– Срочно оперируем! Скорее.

В Олега впился озноб, какой бывает от предчувствия неминуемой опасности; он начался от макушки головы и добежал до кончиков пальцев и обратно. У него не было сил промолвить и слово, и он то и дело резко отрицательно качал головой людям, пытаясь дать понять, что он решительно против.

Его небрежно наклонили и резко сняли свитер, отбросили на кровать и по грубому привязали к ней крепко-накрепко.

В отсвете грозы он увидел чемоданчик со скальпелями, пилами, жгутами и уколами, и отчаялся настолько и так поддался нахлынувшим эмоциям, что смог гортанно выдать:

– Н-Е-Е-Е-Т!!!

– Извини, дружок, наркоза тебе сегодня не видать – это для тебя дорогое удовольствие. Так что придётся действовать без анестезии. Вот тебе, зажми зубами. Да смотри, громко не вопи. Понял? А не то получишь у меня.

Олег почувствовал под своими зубами твёрдый предмет, вроде солёной деревяшки и так обомлел, что вгрызся в неё и даже продавил зубами. Уж никак он не мог ощутить, как холодная и невероятно заточенная сталь распорала его живот – но боли он не почувствовал, а скорее удивился, что это произошло безболезненно. Он принялся с жадностью глотать воздух, а по его

лбу заструились крупницы пота. Его руки и ноги принялись дрожать, а человек, заговоривший с ним, продолжил:

– Так, ну, это я вроде бы знаю, что такое. А вот это что? Гм. Эй, побольше света! Ни черта не видно. Ох, да у тебя же тут печень увеличилась, да и сердце тоже. Это всё из-за дурных привычек. Да что у вас всё так свело и слиплось-то? Не напрягайтесь!

Он вздрогнул, когда прикоснулись к его органам, с силой выдохнул, когда начали копошиться и что-то перебирать, тревожа его внутренний покой. Стал испытывать давящую боль, перевоплотившуюся в восторг при мысли, что этому когда-нибудь должен настать конец. Что-то вытащили из него, вырвав, отчего его нога дёрнулась, но не сильно, по причине связанности.

Холодные руки недозволенно касались его, вторгаясь в личное святилище нутра, а он, вздрагивая и дыша через силу, смотрел через бьющий в лицо свет в глаза, в которых не было месту сострадания.

И стоило только Олегу смириться с тем, что он умрёт от потери крови и закрыть глаза, как открыв он увидел мрак в комнате и почувствовал на себе облегающий тело свитер. Закашлявшись, посмотрел на часы: было три часа ночи. Стараясь прогнать муть из головы, тряхнув ею, он только сделал хуже, из-за чего его череп словно сверлом пробило насквозь.

Не сразу, но нашёл в себе силы сесть на кровать и кое-как, будто бы неумело, неловкими движениями приподняться. Каждый новый шаг давался ему словно впервые. Он, пересекая свою комнату, с большим трудом и неловкостью держался за стенки и кое-как добрёл до двери.

Чуть только стоило ему приоткрыть дверь, как в коридоре послышался оглушающий вой, к которому добавлялись гортанные вскрики и шум бьющихся с дребезгом стекол. Пациенты ломали что не попадя, дрались меж собой, некоторые кучей накинулись на надзирателя, отчаянно защищавшегося и призывающего к порядку.

Казалось, сильнее похолодеть Олег уже не могу. Но он похолодел не хуже айсберга. Под его ногами лопались сотни разноцветных таблеток, капсул и шприцов; шумок походил на шуршание раздавливаемых сухариков. То и дело обходил завалы покорёженной мебели, что мостились, возвышаясь. Он же протискивался между зверски дерущихся пациентов с медперсоналом, чувствуя подступающее к горлу отчаяние и то, что и на него могут в любой момент напасть.

Но аудитор несмотря на инстинкт самосохранения продолжал идти вдоль коридора, закрывая уши от истеричных возгласов. Также как силы появились из ниоткуда, так они и спарились, а Олег, не удержавшись на дрожащих ногах, повалился, поранив руку о угол прогнувшейся железной кровати.

Находясь посреди хаоса и жестокости, где люди по-разному отстаивали своё право на существование и свободу, он понял, что больше не сможет встать. Запас его живительных сил истощился, и он, повернув голову вбок, увидел приближающихся к нему пациентов, чьи серые одежды были окровавлены, чьи руки тянулись к нему и чьи лица исказили болезненные гримасы непосильных страданий.

Да, понимал он, они хотят выпустить зло наружу, зло, которое хоть и есть в каждом человеке, но в иных так и выпирает наружу, которое те готовы в любой момент сбросить, переведя дыхание и хоть на чуть-чуть успокоившись.

Он как мог начал отползать вбок, подальше от них, но они, эти пять человек, сосредоточив на нём полоумные взгляды расширенных глаз, ослабились, подступая всё ближе и ближе.

Чувствуя на себе их враждебные намерения и то, что они способны в прямом смысле порвать его не на куски даже, а на коротенькие лоскуты, не оставив живого места, Олег от безысходности нашёл в себе силы зарычать на них проклятье, и это словно бы на мгновение заставило их остановиться и переглянуться друг с другом. Но после же они сами завопили ругательства и уже подошли к нему, упёршемся мокрой под свитером спиной в стену. Он закрыл глаза, стал учащённо дышать и молить оставить его в покое. Не мог не ощутить на лице впивающиеся в кожу ногти и то, как они рвали мягкую плоть, а горькая тёплая и вязкая кровь, попадая ему на губы, вызвала в его нутре такое омерзение, что он не выдержал и расстался с рассудком, повалившись под тяжестью тел пациентов.

Олег Сурдин пал и ощутил на себе неприятеля, желающего его прикончить. Внутри него вспыхнула ненависть, как своеобразный резерв сил, влив в его жилы решительный настрой. Аудитор что было сил с криком отстранил от себя пациентов, поднялся на ослабленные ноги и как мог начал убегать, покачивая, полузигзагами. Глубокий испуг парализовал конечности, его дыхание перехватывало, а сам он весь взмок. Почти добежав до своей комнаты осознал, что после всепоглощающего ужаса он проникся невероятным облегчением и желанием жить.

Но, что такое? Дверь словно бы заело, она ни в какую не поддаётся. И пациенты, сорвавшись с места, ускоренно приближаются, отрицательно качая головой и зловеще скаля зубы. Их бледная кожа, худые лица и бритые черепа вызвали в Олеге и сочувствие, и потаённый ужас того, что довелось этим людям пережить, чтобы лишиться облика человека так, что в их глазах читалось ненависть, брезгливость и отвращение ко всему живому.

Олег, всё также продолжая дёргать за ручки двери в разные стороны, с силой привалился к двери плечом раз, другой и третий, но она была неприступна. Он хотел было дёрнуться в противоположную сторону коридора, но и оттуда к нему выдвигались не менее безобразные люди с недвусмысленным желанием.

Аудитор, перебойно дыша, кое-как залез на подоконник, попытался ногой выбить решётку – но и та не поддавалась. Последнее, что он почувствовал, так это то, как ему в уши яростно шипели болезненные голоса, а сам он, ощущая на себе их грязные ногти, рвущие плоть, завопил так громко, что от бессилия и немогущности потерял сознание.

4

То ли ещё будет.

Себя не помня, Олег с невероятным трудом разомкнул глаза. Он всё также лежал в своей комнате на двух человек, на нём был одет мягкий свитер, на котором была прогрызена дыра в районе горловины. Потрогав своё лицо, мужчина вздрогнул от боли.

В комнату решительной походкой вошёл главврач. Открыл окна, хорошенько проветрил. Улыбнулся очнувшемуся аудитору, на лице которого было крайнее недоумение. Он с ошарашенными глазами воскликнул:

– Вы выжили?

– Что вы имеете в виду? – Дмитрий присел на краешек кровати, около изголовья.

– Но пациенты! Они же всё порушили и устроили побои!

Главврач чуть поджал губы и задумчиво почесал макушку.

– Многие пострадали! – продолжал Олег. – Многих убили!

– Послушайте меня: вы лежите здесь уже три дня и только сейчас пришли в сознание. Вы разговаривали на множество голосов, выли, рыдали и проклинали всё и вся. Вам почему-то пришлось нелегко я это видел, но, Олег, всё позади. Вы выкарабкались и очистились. Но это только начало.

– Мне привиделось?

Главврач кивнул.

Олег признался:

– Я так вымотан! И чувствую... Ха! Невероятное облегчение, сам не зная почему. Со мной происходили ужасные вещи, и я никак не могу забыть тех кошмаров.

Олег приподнял свитер, посмотрел на свою грудь и живот и увидел лишь то, что немного похудел. На коже не было следов хирургических вмешательств. Он почувствовал себя до невероятного грязным и оттого отталкивающим.

– Но... – промолвил он, – Что с моим лицом? Пациенты нападали?

– Вы сами себе разодрали кожу. Ногтями. – главврач вздохнул. – Да, вы намучились, это видно. Но теперь ваша жизнь начнёт меняться, и, возможно, эти перемены по началу вам не понравятся. Голодны?

– Очень! – признался Олег, позволив себе редкость искренне улыбнуться.

– Давайте я вам помогу. Так, да, руку мне на шею и-и-и, встали. Хорошо. Сами идти сможете?

– Честное словно не знаю. Я весь дрожу.

– Это от душевного переутомления и недостатка жидкости. Возьмите меня под локоть. Правой, левой, правой, левой, прекрасно. Вот уже и коридор. Хорошо... А вот и фонтанчик. Наклон, угу, пейте. Да не торопитесь же вы так, здесь нет очереди.

Олег пил прохладную воду и чувствовал, как по сухому горлу вначале наждачкой, а затем и наиприятнейшим ручейком струится живительная жидкость, неимоверно освежающая, от которой он вздрогнул и даже рассмеялся.

Закашлявшись, он промолвил:

– Что со мной было?

– Я однажды наблюдал нечто подобное. Скажем так, то, чему вы стали свидетелем, фантазия вашего мозга. Так, идём... Спускаемся. Осторожнее! Ещё ступеньку... А вон уже и столовая виднеется.

– Фантазии? – опешил Олег. – Но это было! Я и вправду всё это пережил. Неподдельно чувствую это так, словно это было вчера.

– Но заметьте, всё как было, так и осталось. Так, вот и пришли. Садимся. Хорошо. Я всё принесу.

Аудитор хмурил брови, туго соображая над словами главврача. Из высоких окон изливались благодатные лучи солнца, попадая ему на лицо, заставляя невольно поморщиться и отвернуться. Он не хотел признавать, но ему даже дышалось и словно бы чувствовалось самого себя как-то по-иному. Его дыхание больше не прерывалось, пульсу не было причин подниматься, а в голове хоть и звенела мёртвая тишина, но она же и успокаивала.

– А вот и я, – улыбнулся Дмитрий, расставляя тарелки на столе. – Я тоже чуть-чуть заморю червечка с вами, а заодно проясним некоторые детали. – Ну, приятного аппетита!

– Спасибо... То есть и вам тоже.

– Так вот, Олег, – продолжил главврач, поперчив уху, – Как я видел, слышал и сейчас понимаю, эти три дня вы были заложником своего воображения, которое вздумало с вами шутить из-за того, что из мозга искоренялись токсины. Это можно назвать защитным механизмом, или же просто тем, что так наш головной друг может сделать нам подлянку, если кто посмеет вмешаться в его работу, пусть даже и не совсем правильную из-за токсинов. Помните очищение от токсинов? Уколы, я имею в виду.

– Да. Мне, вроде бы, поставили два укола.

– На самом деле четыре. Так вот, очищение от токсинов порой сопровождается нарушением восприятия действительности, отсюда и ваши ужасные видения.

– Но это было так ощутимо! И так невыносимо...

– Что поделать, мозг так легко не желает расставаться со старыми устоями. Отныне, Олег, пока вы по крайней мере под моим присмотром, я говорю вам: чтоб вы никак не исхитрились, и чтобы и капли в рот не брали – понятно? Я о алкоголе.

– Ох... – только и выдохнул он.

– Вам понятно? – спросил Дмитрий, строго-строго посмотрев на него.

– Да-да.

– А после же вас и самих не потянет на эту гадость. Не будет причин прибегать к искусственному расслаблению и неоправданному удовольствию.

– Наверное. Вам виднее.

– Как винегрет?

– Честно сказать... Не верится даже... Вкусный. И это странно.

– Почему?

– Обычно я ем на автомате и не чувствую удовольствия от пищи. А сейчас я словно бы...

– Другой?

– Немного.

– Ну, то ли ещё будет, – главврач подмигнул ему. – Доели? А теперь марш в душ. От вас, извините, смердит.

Олег принялся, подтвердив:

– Действительно.

Разнообразная пища подкрепила силы аудитора, иначе никак нельзя назвать то, что поступь его стала более твёрдой и словно бы правильной. Он сам дошёл до душевой на первом этаже, дождался своей очереди, пропустив вперёд пациента с обезображенными руками, а после же разделся.

Взяв одноразовый шампунь, встав под струю воды, изливающуюся на его под наклоном, он с невероятным удовольствием промок и ахнул, испытав восторг новых ощущений, которые приравнялись неимоверной эйфории.

Намылив голову, он смыл с неё всё нехорошее, а далее же дело дошло до конечностей и тела. Когда он оттирался, то чувствовал, как его наполняет заряд душевных сил, какой он если и испытывал, то только в детстве, когда его купали.

«Ничего-себе», – только и подумал он.

Когда он выключил душ и вытерся полотенцем, то испытал дрожь, и вместе с тем глубокое удовольствие, словно избавившись от тяжёлой ноши.

– Да, надо почаще мыться.

Вытряхнув из ушей оглушающую воду, он с новым настроением вышел в коридор и, недолго думая, направился к Дмитрию Яковлевичу Волевому.

По пути, пересекая Г-образный коридор, ему попадались люди, на чьих лицах застыло несчастье и отразилось горе, которому они поддались, которое затронуло их лик так, что при взгляде на них и у него самого почти было падало настроение. Также он одним глазом видел несдержанность пациентов и то, как они качают права у себя в палатах, оживлённо споря с надзирателями, которые, было видно, если сдерживаются, чтобы только не наподдать тем. Но Олегу это было неинтересно, и он прошёл мимо.

Чуть погуляв и наконец дойдя до кабинета главврача, он постучался и услышал: «войдите».

– И снова здравствуйте. Ну как, освежились?

– О-о-о, что и говорить, разница – небо и земля.

Олег присел у стола, облегчённо выдохнув.

– После пережитого – о чём вы мечтаете?

– Поскорее убраться отсюда! – воскликнул аудитор. – Это место какое-то чёрное, и никак не белое.

– Чего вы ещё хотите?

Олег нахмурил брови, устремив взгляд в окно, за которым в сырой земле копошились пациенты.

– Я вообще запутался. Хочу только, чтобы это безумие прекратилось. Хочу... Здесь ужасно, понимаете?

Он помолчал, искоса глянув на молчаливого главврача.

– Хорошо. Я помню, что однажды проговорился, и вы, видимо, это запомнили. Да, потаённо я хотел бы изменить отношение моей жены к себе. Я люблю её и всегда стремился к ней, но однажды я позволил себе лишнее и... Это тяжело признавать, но, да, я – сволочь. Бесконтрольная сволочь. Но я больше ни в жизни не подниму на неё руку, хоть и понимаю, что сделанного не воротишь и оно навсегда останется со мной.

– Я понимаю вас, – отозвался Дмитрий. – Вы на правильном пути. Только в начале его. Мне нужно совершить вечерний обход. Если хотите, можете поучаствовать и что-нибудь записать себе в заметки.

– Пойду с вами. Признаюсь, не нахожу себе места.

– Поподробнее, если можно.

– Не знаю, чем себя занять, да и вообще, зачем что-то делать. Будто бы не хочется жить и даже шевелиться. Так бы лёг и без конца думал о чём-нибудь.

– Это пройдёт.

В течение часа главврач и аудитор заходили в палаты то к улыбочивым, то к мрачным пациентами, а то и к тем, кому сам Дмитрий вовсе не был по душе. Но он ухитрялся быстро находить общий язык, переходя ближе к сути дела. Добравшись до третьей мужской палаты на втором этаже, присев на табурет возле привязанного человека на кровати, он мягко спросил:

– Здравствуй, Егор. Ну, как ты сегодня?

– А-а-а-а! – вскричал тот. – Развяжите меня!

– Пока рано. Будь добр, ответь, как ты себя чувствуешь?

– Привязанным и несвободным!

– Да, это и неудивительно. У тебя двоится перед глазами? Видишь чёртиков?

– Вроде бы больше нет, – смягчился тот. – Гадкие подлюки, так и норовят в уши заползти.

– Егор, чёртиков на самом деле нет. Это тебе кажется от переутомления. Вот мы и привязали тебя, чтобы ты отдохнул и более не изводил себя, бегая по коридорам и накидываясь на других.

– Но потом вы же развяжете меня?

– Конечно, – главврач наклонился к медсестре и шепнул ей: – Умерьте дозу. Завтра ещё два укола, а потом посмотрим.

Они дошли до противоположной палаты, где этим вечером половина из пациентов смотрели документальный фильм о природе Сибири. Дмитрий, посчитав людей, светло улыбнулся как ребёнок. У высокого окна, на подоконнике которого сидел мужчина, чьи руки то и дело дёргались а шея выгибалась назад, главврач пригрозил:

– На подоконнике сидеть нельзя.

Пациент слез, и, придирчиво воззрившись в глаза главврачу, и подбежав к нему прогудел:

– О благородные сердца, внимлите сердечным вздохам!

Главврач и сам вздохнул, отозвавшись:

– Разве их сдержу? Я умер бы, по чести вам скажу, когда бы не прибегнул к их защите.

Пациент ослабился и неповторимо просиял, склонил голову и сказал:

– Дмитрий Волевой, почтенный, здравствуйте.

– Здравствуй, Григорий. Как мы сегодня?

– Так и хочется оглашать мир величественными стихами!

– А кошмары навещают?

– О-о-о, и ещё какие. Словно бы меня хватают за ноги и поднимают к небу, а оно темнее чёрного, и оттуда к земле тянутся циклопические серые руки мертвецов, хватающие грешников и там делающие с ними что-то непристойное и, наверное, жестокое.

– Дрожь в руках сильнее, или слабее? Протяни руку. Гм. Да что ж такое-то? Ты точно принимаешь таблетки, а не выплёвываешь их?.. А глаза-то какие хитрые! Ай-ай-ай. Всё понял. Ну, Григорий, тогда придётся тебе силком их принимать, или ты удержишься здесь надолго.

– Нет-нет, только не надолго! – заверещал тот, отступив и врезавшись спиной в аудитора. – Вы же знаете, как я вас уважаю? Куда мне, похотливому доходяге, до вас?.. Вы человек большой и учёный, но, может, как-нибудь без таблеток?

Главврач отрицательно покачал головой.

– А можно почаще гулять? Тогда я согласен принимать таблетки.

– Я разрешу тебе выход на свежий воздух, но при условии, что ты не будешь приставать к пациентам и дёргать их за неудобосказуемые места.

– Ах! Какой вы жестокий. Но я... А, ладно! Я буду глотать таблетки.

Дмитрий ещё раз пригрозил ему, отчего тот даже втянул голову в плечи, смиренно потупив взгляд.

– Вот такой у нас люд, – сказал он Олегу, удаляясь из палаты. – Мне уж давно не даёт покоя мысль, что: «Если Бог хочет наказать человека, он лишает его разума».

– Да, символично, – отозвался аудитор, нахмутив брови. – Вы думаете, что все они в чём-то виновны?

– Кто-то в меньшей, кто-то в большей степени. Почитать Библию, так нынче вообще праведников нет. Но то, что я вижу здесь изо дня в день, величайшая жестокость Господа. Он нами недоволен, вот и осыпает этот мир проказой, чтобы люд страдал не только за свои грехи, но и за ошибки отцов.

Олег еле видно кивнул.

Дойдя до кабинета главврача, аудитор взглянул в окно: за ним сгустились спокойные сумерки, и ветер чуть колыхал закрывшиеся бутоны цветов. Присев на стул и задумавшись, он отошёл от своих размышлений лишь тогда, когда перед ним на стол была поставлены кружка с чаем.

– Благодарю.

– Что-нибудь почерпнули из нашего обхода?

– Так, мелочи, но пригодится. Я вот подумал, а у вас проводят лоботомию? Ну, чтобы пациент не страдал.

– Это варварство и бесчинство давно позади.

– Почему?

– Человек перестаёт мыслить, он всё делает на автомате. Он не сознаёт себя и находится во тьме безразличия ко всему. Это не жизнь.

Олег поджал губы:

– Если подумать, то да, это крайне негуманно.

Главврач, присев за кресло, сцепил пальцы и сообщил:

– Олег, пока мы шли по коридорам, я вот что понял: мне вас глубоко жаль как человека запутавшегося, и считаю, что вы заслуживаете стать сильнее. Я помогу вам разобраться в себе и взглянуть на всё по-другому. Вы перестанете бояться любых трудностей, вы закончите видеть всё в плохом свете и, главное, я приложу все усилия, чтобы вы приняли и отпустили свою вину за нанесённый вред жене.

– Но... – аудитор поёжился, пытаясь поудобнее сесть. – Но я в порядке.

– Нет. И глубоко в себе вы это прекрасно понимаете, но боитесь признать себе в слабости.

– Но...

– Что?

– Понимаете, то, что вы говорите, очень...

– Жестоко?

– Да.

– Но жизнь и прекрасна, и жестока. Это две стороны одной монеты. Вы принимаете мою руку помощи?

Олег прошипел проклятье. Да, самое сложное для этого человека было признать не только свою слабость, но и то, что у него действительно есть проблемы, от которых он не только пытался отгораживаться, но с давлением которых уж давно смирился, словно от каждодневной давящей головной боли. Больших трудов ему стоило выдавить, буквально вырвать из себя следующее:

– Я согласен.

– В вас слышен голос благоразумия. Загляните в самую глубь себя и ответьте, чего вы хотите на самом деле?

И он ответил первое, что пришло на ум и то, что действительно было хоть и правильным, но трудновыполнимым:

– Я хочу измениться.

Главврач кивнул, попрощавшись с Олегом и сказав, что вскоре он за него возьмётся.

Аудитор, пересекая коридоры, был дважды отруган уборщицами, моющими пол, чуть ли не обозлёнными волками накинувшихся на него из-за пустяка. Дойдя до своей комнаты, он закрылся и протяжённо выдохнул.

Да, многое мучило этого человека и, как он думал, хорошо было бы пролить переживания на бумагу.

«Как знать, может полегчает».

Олег присел на кровать, включил ночник и, взяв тетрадь, не читая в ней прошлую запись стал вырисовывать следующее:

Ну и местечко! Прямо мороз по коже. Я до конца не знаю, что со мной произошло, но я очень долго (а на деле лишь пару дней) был мучим ужасающими видениями настолько реальными, что я и наяву смог причинить себе вред, словно бы это могло как-то помочь мне. Мне виделись кошмары, и они до сих пор стоят передо мной как настоящие, и те злое и новые ощущения были так остро ощутимы, так извели меня, что я даже отчаялся и обратился к Богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.